

НОЧНОЙ
ЦИРК

ЭРИН МОРГЕНШТЕРН

РОМАН

THE NIGHT CIRCUS

A NOVEL BY ERIN MORGENSTERN

ERIN MORGENSTERN

Эрин Моргенштерн

Ночной цирк

«Corpus (АСТ)»

2011

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-4

Моргенштерн Э.

Ночной цирк / Э. Моргенштерн — «Corpus (АСТ)», 2011

ISBN 978-5-17-112627-8

Странствуя по миру, то здесь, то там открывает свои двери Le Cirque de Rêves — работающий от заката до рассвета “Цирк сновидений” с парящими без страховки акробатами, мистическим лабиринтом и волшебным садом, с фокусником, превращающим свое облачение в птицу, и гадалкой, которая действительно умеет предсказывать будущее. Этот цирк появляется и исчезает без предупреждения, и везде его сопровождают преданные поклонники — мечтатели в отмеченной красным цветом одежде. Но под завесой волшебства и чуда скрывается тайна — двое юных магов соревнуются в мастерстве, даже не догадываясь, что только один из них сможет выйти из этого соревнования живым... Дебютный роман Эрин Моргенштерн стал мировым бестселлером, породил культ, получил ряд престижных литературных премий и был переведен более чем на двадцать языков.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-17-112627-8

© Моргенштерн Э., 2011
© Corpus (АСТ), 2011

Содержание

Предвкушение	6
Часть первая	8
Неожиданное письмо	8
Джентльменское пари	10
Оттенки серого	16
Уроки чародейства	18
Le Bateleur	22
Обманщики	28
Мишень	32
Звезды во тьме	34
Правда или расплата	35
Тайные союзники	40
Соболезнования	45
Татуировка девушки-змеи	47
Хорология	50
Зрители	52
Военная хитрость	57
Огонь и свет	61
Тайны	62
Часть вторая	66
Ночь премьеры: рождение	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эрин Моргенштерн

Ночной цирк

© 2011 by Night Circus, LLC

© Я. Рапина, 2013

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013

© ООО «Издательство Астрель», 2013

Издательство CORPUS ®

Предвкушение

Цирк появляется неожиданно.

Без расклеенных по городу афиш, без заметок и анонсов в местных газетах. Просто в один прекрасный день он появляется там, где еще вчера его и в помине не было.

Нагромождение черно-белых полосатых шатров. Ни намек на золото или пурпур. Вообще ничего разноцветного, за исключением растущих неподалеку деревьев да травы на окрестных полях. Черные и белые полосы на фоне серого неба; бесчисленные шатры всевозможных форм и размеров – бесцветное царство, отгородившееся от остального мира затейливой кованой оградой. Даже земля, насколько можно судить по тем жалким клочкам, которые удается разглядеть из-за решетки, и та не то покрашена, не то припудрена черно-белым песком, а может, это какая-то иная цирковая хитрость. Пока что цирк закрыт для посетителей. Время еще не пришло.

Спустя пару часов весь город знает о появлении цирка. К полудню весть долетает и до соседних городов. Сарафанное радио куда действеннее печатного слова и обилия восклицательных знаков на рекламных листовках и афишах. Внезапное появление таинственного цирка – событие редкое и значительное. Зеваки восхищенно разглядывают высокие купола шатров, глазуют на странные, не поддающиеся описанию часы прямо за воротами.

Вывеска на воротах белыми буквами на черном фоне гласит: «Открываемся после заката, закрываемся на рассвете».

Что это за цирк, который работает только по ночам? – задаются вопросом горожане. Никто не знает ответа, однако к вечеру у ворот собирается внушительная толпа зрителей.

Конечно, ты тоже здесь. Любопытство, как ему и положено, одержало над тобой верх. В сгущающихся сумерках ты прячешь подбородок в шарф, надеясь укрыться от прохладного ночного ветерка. Тебе хочется собственными глазами увидеть, что же такое этот цирк, открывающийся только после захода солнца.

Билетная касса, что виднеется за воротами, еще заперта, на окошко опущена решетка. Цирк неподвижен, разве что полотнища шатров слегка колышутся на ветру, да стрелки часов описывают круги, отсчитывая минуты, хотя вряд ли этот скульптурный шедевр вообще можно назвать часами.

Цирк кажется заброшенным и опустевшим. Однако в вечернем ветре, напоенном свежестью осенних листьев, тебе чудится еле уловимый аромат карамели. У наступающей прохлады появляется сладковатый привкус.

Солнце окончательно скрывается за горизонтом, и последние закатные лучи бледнеют под натиском сгущающихся сумерек. Устав от ожидания, люди в толпе переминаются с ноги на ногу и вполголоса ворчат, что взамен этого сомнительного развлечения надо бы поискать местечко потеплее, где они смогут скоротать вечер. Ты и сам уже собираешься уйти восвояси, как вдруг что-то происходит.

Сначала до тебя доносится тихий звук, почти неразличимый сквозь шелест ветра и гул толпы. Так начинает шуметь чайник перед тем, как закипеть. Затем загорается свет.

То здесь, то там над шатрами вспыхивают тысячи искр, словно на цирк опускается рой необычайно ярких светлячков. Толпа, едва завидев свет, замирает в предвкушении. Рядом раздается восторженный вздох. Ребенок радостно хлопает в ладоши.

Когда сияние озаряет все шатры, на фоне ночного неба загорается надпись.

Прятавшиеся до той поры в изгибах решетки, вверху на воротах вспыхивают новые светлячки. Разгораясь все сильнее, некоторые выпускают в воздух снопы белых искр и струйки дыма. Люди в первых рядах поспешно отступают на несколько шагов.

Сначала кажется, что огни вспыхивают беспорядочно, но чем больше их становится, тем увереннее они образуют знакомые буквенные очертания. Вот появляется С, затем другие буквы: почему-то *q* и несколько *e*. Наконец вспыхивает последняя лампочка, искры и дым рассеиваются, и светящуюся надпись уже можно различить. Слегка подавшись влево, чтобы лучше видеть, ты читаешь: *Le Cirque des Rêves*.

Часть лиц в толпе озаряется понимающими улыбками, остальные в растерянности вопрошительно оглядываются по сторонам. Маленькая девочка рядом с тобой тянет мать за рукав, чтобы та прочла ей, что написано в небе.

«Цирк Сновидений», – слышится в ответ, и детское личико светится от восторга.

Кованые ворота, словно сами по себе, вздрогнув, лязгают засовами и распахиваются, приглашая зрителей внутрь.

Цирк открыт.

Теперь ты можешь войти.

Часть первая

Истоки

*Все, что вы увидите в Цирке Сновидений, подчинено принципу круга. Возможно, этим устроители пожелали отдать дань слову «цирк», произошедшему от греческого *kirkos*, что означает круг или кольцо. И хотя подобных реверансов в сторону цирка – в историческом смысле – здесь великое множество, назвать этот цирк традиционным никак нельзя. Вместо одного привычного шатра с ареной, окруженной рядами зрительских мест, он состоит из моря шатров самых разных размеров, от мала до велика. Шатры заключены в кольца петляющих дорожек, весь цирк – в кольцо ограды. Круг и бесконечность во всем.*

Фридрих Тиссен, 1892 г.

Мечтатель – это тот, кто находит свою тропу только при лунном свете, а наказание его в том, что он видит рассвет раньше, чем все другие¹.

Оскар Уайльд. Критик как художник, 1888 г.

Неожиданное письмо

Нью-Йорк, февраль 1873 г.

В театр приходит немало писем на имя чародея Просперо, однако конверт, содержащий посмертную записку, да к тому же аккуратно прищипленный к воротнику пальто пятилетней девочки, он получает впервые.

Поверенный, в сопровождении которого она появляется на пороге театра, отказывается давать какие-либо объяснения. В ответ на протесты директора он лишь пожимает плечами и поспешно уходит, в знак прощания дотронувшись до шляпы.

Даже не читая имени адресата на конверте, директор сразу понимает, к кому пришла девочка. Ее глаза, сверкающие из-под копны непослушных кудряшек, – уменьшенная копия глаз самого волшебника.

Когда он берет ее за руку, маленькие пальчики безвольно ложатся в его ладонь. В театре тепло, но девочка не хочет снимать пальто и лишь упрямо трясет головой, когда он спрашивает о причинах ее отказа.

Не зная, что еще он может для нее сделать, директор приводит ее к себе в кабинет. Она садится и замирает на неудобном стуле возле стены, увешанной старыми афишами, в окружении коробок с чеками и билетами. Директор приносит чай с дополнительным кусочком сахара, но он, нетронутый, так и остывает на столе.

Девочка не двигается, не ерзает на стуле. Она сидит, не шелохнувшись, со сложенными на коленях руками. Ее взгляд устремлен вниз, на собственные ботинки, самую малость не достигающие до пола. Один носок слегка поцарапан, шнурки завязаны аккуратными бантиками.

Запечатанный конверт так и висит на ее пальто вровень со второй пуговицей сверху, когда появляется Просперо.

¹ Перевод М. Зверева.

Еще до того как дверь распахивается, она слышит его тяжелые шаги в коридоре, столь непохожие на размеренную поступь директора, который уже несколько раз ненадолго входил в комнату – тихо, словно кошка.

– Сэр, вас ожидает... гм... посылка, – говорит директор, открывая дверь, чтобы впустить его в тесный кабинет, и убегает под предлогом разнообразных дел, касающихся театра, не испытывая ни малейшего желания быть свидетелем того, что может сулить предстоящая встреча.

Волшебник окидывает взглядом помещение. В его руке зажата пачка писем, с плеч струится черный бархатный плащ, отороченный белоснежным шелком. Он ожидает увидеть бумажную бандероль или почтовую коробку, и лишь после того как девочка поднимает на него глаза, как две капли воды похожие на его собственные, он понимает, что имел в виду директор.

Первая реакция чародея Просперо на встречу с дочерью выражается в коротком восклицании: «Вот черт!»

Девочка вновь опускает глаза на ботинки.

Волшебник закрывает за собой дверь и, бросив пачку писем на стол возле нетронутого чая, окидывает девочку внимательным взглядом.

Пришпиленный к ее пальто конверт он срывает, не расколов булавки.

На конверте указан его сценический псевдоним и адрес театра, однако письмо, найденное внутри, начинается обращением по имени, данному ему при рождении: Гектор Боуэн.

Он пробегает глазами письмо. Его лицо остается совершенно непроницаемым, окончательно и бесповоротно разрушив надежды автора на хоть какое-то проявление эмоций. Существенным ему кажется только одно: эта девочка – его родная дочь, ее зовут Селия, и теперь она находится на его попечении.

– Ей нужно было назвать тебя Мирандой, – усмехнувшись, обращается чародей Просперо к девочке. – Но, полагаю, у нее не хватило ума додуматься до этого.

Девочка бросает на него короткий взгляд. Темные глаза под кудрявой челкой угрожающе сужаются.

Чашка на столе начинает дрожать. Ее гладкая поверхность покрывается паутиной трещин, а затем распадается брызгами разноцветного фарфора. Остывший чай переливается через края блюдца и стекает на пол, оставляя липкую дорожку на полированной столешнице.

Усмешка исчезает с лица волшебника. Оглянувшись на стол, он сердито хмурит брови, и разлитый чай начинает течь в обратном направлении. Разбитые кусочки собираются воедино, и вот чашка снова стоит на столе, целая и невредимая, а над ней клубится облачко пара.

Девочка во все глаза таращится на нее.

Рукой, затянутой в перчатку, Гектор Боуэн берет дочь за подбородок и пару секунд смотрит на нее внимательным взглядом. Когда он ее отпускает, на щеках остаются длинные красные следы.

– А ты непростая штучка, – говорит он.

Девочка оставляет его замечание без ответа.

В течение последующих недель он предпринимает ряд попыток дать ей новое имя, но она отзывается только на Селию.

Несколько месяцев спустя, когда волшебнику кажется, что она уже готова, он, в свою очередь, тоже пишет письмо. Адреса на конверте нет, но тем не менее оно благополучно находит своего заокеанского адресата.

Джентльменское пари *Лондон, октябрь 1873 г.*

В этот вечер дается заключительное представление в рамках весьма коротких гастролей. Волшебник Просперо, уже долгое время не баловавший Лондон своими выступлениями, приехал всего на одну неделю, ограничившись только вечерними сеансами.

Несмотря на заоблачные цены, билеты разлетелись в считанные часы, и теперь театр полон. Вооруженные веерами дамы обмахивают декольте в попытках разогнать спертый горячий воздух, повисший в зале вопреки осенней прохладе за стенами театра.

В какой-то момент представления все веера внезапно превращаются в маленьких птичек, их пестрая стая взлетает к потолку, и театр взрывается громом оглушительных аплодисментов. Потом птицы возвращаются, и на коленях каждой из дам вновь оказывается ее веер. Аплодисменты вспыхивают с новой силой, хотя часть зрителей поражена до такой степени, что не в состоянии хлопать. Они крутят веера в руках и удивленно разглядывают перья, внезапно забыв о мучившей их жаре.

Человек в сером костюме, сидящий в ложе слева от сцены, за весь вечер не зааплодировал ни разу, ни единому фокусу. На протяжении всего представления его внимательный взгляд прикован к артисту на сцене. Он ни разу не поднимает сложенные на коленях руки, чтобы похлопать. Даже когда весь зал взрывается бурными овациями и вздохами восхищения, он и бровью не ведет.

По завершении представления мужчина в сером костюме легко прокладывает себе путь через толпу в вестибюле театра. Незамеченным он проскальзывает в дверь, скрытую за портьерой, и направляется к гримеркам. Ни гардеробщицы, ни рабочие сцены не обращают на него ни малейшего внимания.

Остановившись перед дверью в конце коридора, он стучится в нее серебряным набалдашником своей трости.

Дверь распахивается сама собой, открывая его глазам загроможденную театральным скарбом гримерку с зеркальными стенами, в которых с разных ракурсов отражается Просперо.

Он предстает перед гостем в кружевной рубашке и расстегнутой жилетке; фрак небрежно брошен на кресло. Цилиндр, с которым он не расставался на протяжении всего представления, покоится на подставке в углу.

Теперь он кажется старше, чем на сцене, где его возраст скрывало сияние софитов и слой грима. Лицо, отражающееся в зеркалах, испещрено морщинами, волосы изрядно тронуты сединой. Но в улыбке, озаряющей его лицо при виде гостя, стоящего в дверях, есть что-то мальчишеское.

Не оборачиваясь, он обращается к отражению серого, словно призрак, визитера:

– Тебе ужасно не понравилось, верно?

Носовым платком – некогда, вероятно, белым – он снимает с лица толстый слой грима.

– Я тоже рад встрече с тобой, Гектор, – произносит человек в сером костюме, тихо закрывая за собой дверь.

– Тебе было противно, точно говорю, – усмехается Гектор Боуэн. – Я наблюдал за тобой, так что можешь не отпираться.

Обернувшись, он протягивает мужчине в сером руку, но тот делает вид, что не замечает. В ответ на это Гектор лишь пожимает плечами и театрально щелкает пальцами в сторону противоположной стены. Обитое бархатом кресло, стоявшее в углу среди груды чемоданов и вороха галстуков, скользит в их направлении; брошенный фрак тенью поднимается с него, чтобы послушно повиснуть в шкафу.

– Прошу садиться, – приглашает Гектор. – Хотя, боюсь, в ложе кресла поудобнее.

– Не могу сказать, что я одобряю подобные представления, – заявляет человек в сером костюме, снимая перчатки и стряхивая пыль с кресла, прежде чем опуститься в него. – Выдаешь истинную магию за фокусы и оптический обман. Да еще берешь за это деньги.

Гектор бросает испачканный платок на стол, заставленный баночками с гримом и кистями.

– Ни одна душа в зале ни на секунду не поверит, что все, что я делал там, – он кивает в сторону сцены, – происходило на самом деле. И это прекрасно. Ты видел, какие хитроумные штуковины создают эти волшебники, чтобы показать самый завалыщенький фокус? Горстка рыб, покрывающих себя перьями, чтобы убедить публику, что они могут взлететь, а я среди них – настоящая птица. Зритель между нами не видит разницы – с тем лишь исключением, что считает меня лучшим профессионалом, нежели все прочие.

– Это не умаляет твоего сумасбродства.

– Да они же в очередь выстраиваются, чтобы их одурачили, – возражает Гектор. – Просто мне это сделать легче, чем любому другому. Грешно упускать такую возможность. Кстати, я зарабатываю на этом куда больше, чем ты можешь себе представить. Предложить тебе выпить? Здесь где-то было припрятано несколько бутылочек, а вот насчет бокалов не уверен.

Он шарит по столу, отодвигая в сторону кипу газет и пустую птичью клетку.

– Нет, благодарю, – качает головой человек в сером костюме, подаваясь вперед и опираясь руками на набалдашник трости. – Твое представление показалось мне забавным, а вот реакция зала слегка озадачила. Ты был весьма небрежен.

– Не могу же я быть слишком хорош! Мне все-таки нужно, чтобы они думали, что я такой же шарлатан, как все остальные, – усмехается в ответ Гектор. – Спасибо, что пришел и выдержал до конца. Я уже и не ждал, что ты появишься. Начал терять надежду. Эта коробочка дожидается тебя целую неделю.

– Я редко отказываюсь от приглашений. Ты писал, что у тебя ко мне дело.

– Так и есть! – энергично хлопает в ладоши Гектор. – Я надеялся, что ты согласишься на партию. Мы давненько не играли. Однако сперва хочу познакомить тебя с моим новым учеником.

– Я думал, ты больше не преподаешь.

– Так и было, но тут особенный случай. Я не смог устоять.

Гектор подходит к двери, которую почти полностью заслоняет высокое зеркало.

– Селия, дорогая! – кричит он в дверной проем и возвращается в кресло.

Спустя мгновение в дверях появляется маленькая девочка. На фоне обшарпанной и неприбранной примерки ее платье, пестрящее кружевами и бантами, кажется вызывающе нарядным. Она словно кукла, только что сошедшая с витрины магазина, и даже несколькими непослушным кудряшкам, выбившимся из прически, не под силу разрушить это впечатление. Заметив, что отец не один, она растерянно замирает на пороге.

– Все в порядке, дорогая. Входи, входи же! – Гектор жестом приглашает ее подойти поближе. – Это мой коллега, ты не должна смущаться.

Она делает несколько шагов и приседает в безупречном реверансе, кружевные оборочки платья с шорохом ложатся на истертый паркет.

– Это Селия, моя дочь, – обращается Гектор к человеку в сером костюме, по-отечески опустив руку на голову девочки. – Селия, это Александр.

– Приятно познакомиться.

Хотя она произносит эти слова почти шепотом, тембр ее голоса оказывается на удивление низким для ребенка ее возраста.

Мужчина в сером костюме вежливо кивает в ответ.

– Я хочу, чтобы ты продемонстрировала этому джентльмену свои умения, – говорит Гектор.

Запустив руку в карман жилета, он вынимает серебряные часы на длинной цепочке и кладет на стол.

– Давай.

Глаза девочки округляются.

– Ты просил не делать этого при посторонних, – говорит она. – Ты взял с меня слово.

– Этот человек не посторонний, – усмехается Гектор.

– Ты говорил, никаких исключений, – упорствует Селия.

Ухмылка отца тает. Взяв дочь за плечи, он впивается в нее тяжелым взглядом.

– Это совершенно особенный случай, – говорит он. – Будь так добра, покажи ему все, что ты умеешь. Как на уроке.

Гектор подталкивает девочку к столу, на котором лежат часы.

Кивнув, она переводит взгляд на часы; ее руки сложены за спиной.

Спустя мгновение часы начинают медленно крутиться, описывая на столешнице круги. Цепочка тянется следом, скручиваясь в спираль.

Наконец часы поднимаются с поверхности стола и повисают в воздухе, покачиваясь, как на волнах.

Гектор оборачивается к мужчине в сером костюме, ожидая его реакции.

– Впечатляет, – говорит тот. – Впрочем, это совсем азы.

Глаза Селии темнеют под внезапно нахмурившимися бровями. Часы рассыпаются, пронзая воздух разлетающимися шестеренками.

– Селия, – одергивает ее Гектор.

Уловив упрек в его голосе, она заливается краской и сбивчиво просит прощения. Шестеренки устремляются обратно, собираясь в единый механизм, и вот уже стрелки часов отщелкивают секунды, как прежде, словно ничего и не было.

– А вот это уже посерьезнее, – вынужден признать человек в сером костюме. – Однако она вспыльчива.

– Она еще ребенок, – Гектор треплет Селию по голове, делая вид, что не замечает ее нахмуренных бровей. – Еще и года учебы не прошло, а она уже способна на такое. Когда вырастет, ей не будет равных.

– Я могу любого ребенка с улицы научить подобным вещам. А что касается ее превосходства, так это сугубо твоя точка зрения, и ее легко опровергнуть.

– Ага! – восклицает Гектор. – Так ты, стало быть, согласен поиграть!

После секундного раздумья человек в сером костюме кивает.

– Если это будет сложнее, чем в прошлый раз, я, возможно, заинтересуюсь, – говорит он. – Возможно.

– Конечно, сложнее! – кивает Гектор. – За меня будет играть прирожденный талант. Я не стану растрачиваться на пустяки.

– Талант еще нужно доказать. Способности у нее есть, но настоящий дар встречается крайне редко.

– В ее жилах течет моя кровь. Конечно, у нее есть дар!

– Ты сам сказал, что давал ей уроки, – возражает человек в сером костюме. – Откуда же в тебе уверенность, что это именно дар?

– Селия, когда ты приступила к занятиям? – спрашивает Гектор, даже не обернувшись в ее сторону.

– В марте, – отвечает она.

– Какого года, дорогая? – просит уточнить Гектор.

– Этого года, – говорит она, всем своим видом показывая, что считает вопрос невероятно глупым.

– Восемь месяцев занятий, – подытоживает Гектор. – Шестилетний ребенок. Если я не забыл, ты предпочитаешь брать учеников именно этого возраста или даже чуть младше. Совершенно очевидно, что, не будь у Селии врожденного дара, ей не удалось бы столь быстро достичь таких успехов. Она смогла поднять часы в воздух с первой же попытки.

Человек в сером костюме переводит взгляд на девочку.

– Ты сломала их не намеренно, верно? – спрашивает он, указывая на лежащие на столе часы. По лицу Селии пробегает тень, но она едва заметно кивает головой.

– Для столь юного создания ее способности поразительно развиты, – обращается он к Гектору. – Однако подобная вспыльчивость – неприятный фактор. Она может стать причиной необдуманных поступков.

– Она либо перерастет ее, либо научится контролировать. Не вижу в этом большой проблемы.

Продолжая разговаривать с Гектором, человек в сером костюме пристально смотрит на девочку. Селия слышит звуки, но они никак не складываются в слова. По ее лицу пробегает тень, когда она понимает, что ответов отца ей тоже не разобрать.

– И ты рискнешь собственным ребенком?

– Она не проиграет, – заявляет Гектор. – Так что советую тебе подыскать ученика, утрату которого ты сумеешь пережить, если ты еще не успел обзавестись таковым.

– Полагаю, у ее матери нет права голоса в данном вопросе?

– Совершенно верно.

Человек в сером костюме некоторое время молча разглядывает ребенка, прежде чем продолжить разговор. Селия по-прежнему не может разобрать ни слова.

– Мне понятна твоя уверенность в ее способностях, однако я советую тебе хотя бы задуматься о возможности потерять Селию в случае поражения. Потому что я собираюсь найти для нее достойного соперника. В противном случае мне нет смысла соглашаться на эту партию. У тебя нет гарантий ее победы.

– Я готов рискнуть, – говорит Гектор, даже мельком не взглянув на дочь. – Если хочешь оформить все официально прямо сейчас, давай.

Человек в сером костюме бросает взгляд на Селию, и на сей раз, когда он отвечает Гектору, она уже понимает слова.

– Согласен, – говорит он, утвердительно кивнув головой.

– Он сделал так, что я не могла понять, что вы говорите, – шепчет Селия отцу, когда он наконец оборачивается в ее сторону.

– Я знаю, дорогая, и это было не слишком-то вежливо, – с этими словами Гектор подводит Селию к гостю, и тот впивается в нее своими пронзительными глазами, почти такими же светлыми и серыми, как его костюм.

– Ты всегда умела делать подобные вещи? – спрашивает он, указывая взглядом на часы. Селия кивает.

– Моя... моя мама говорила, что я сатанинское отродье, – тихо добавляет она.

Слегка подавшись вперед, человек в сером костюме что-то шепчет ей на ухо, так чтобы отец не слышал. Детское личико озаряет робкая улыбка.

– Протяни правую руку, – говорит он, снова откидываясь назад. Селия с готовностью протягивает руку ладонью вверх, не зная, чего ждать. Однако человек в сером костюме ничего не кладет в раскрытую ладонь. Вместо этого он поворачивает ее вверх тыльной стороной и снимает со своего мизинца серебряное кольцо. Одной рукой держа Селию за запястье, другой он надевает девочке кольцо на безымянный палец – оно явно ей слишком велико.

Селия уже собирается произнести и без того очевидное: колечко, хоть и очень красивое, совсем ей не впору, однако внезапно понимает, что оно уменьшается в размере, плотно садясь на палец.

Когда кольцо продолжает сжиматься, ее мимолетная радость сменяется обжигающей болью. Полоска металла врезается в кожу. Селия пробует вырваться, но человек в сером костюме не ослабляет мертвой хватки у нее на запястье.

Кольцо сжимается и исчезает, оставляя на пальце лишь ярко-красный шрам.

Наконец человек в сером костюме отпускает ее, и она, поспешно отступив, забивается в угол, уставившись на собственную руку.

– Хорошая девочка, – говорит отец.

– Мне потребуется какое-то время, чтобы подготовить своего игрока, – замечает человек в сером костюме.

– Несомненно, – отзывается Гектор. – Я буду ждать сколько потребуется.

Он достает из кармана золотое кольцо и бросает на стол.

– Это для твоего ученика, когда он найдется.

– Разве ты не хочешь сам исполнить ритуал?

– Я тебе доверяю.

Кивнув, человек в сером костюме достает носовой платок. Не касаясь голой рукой лежащего на столе кольца, он заворачивает его в платок и прячет в карман.

– Я искренне надеюсь, что ты пошел на это не из-за победы моего игрока в прошлом состязании.

– Конечно нет! – отвечает Гектор. – Я делаю это, потому что у меня появился игрок, способный одолеть любого, кого ты выберешь в соперники. К тому же времена изменились, и теперь это будет куда интереснее. И потом, насколько мне помнится, общий счет в мою пользу.

Последнее утверждение человек в сером костюме оставляет без комментариев, продолжая пристально разглядывать Селию. Она делает слабую попытку укрыться от его взгляда, но комната слишком тесная, и спрятаться негде.

– Полагаю, ты уже подумал о месте состязания? – спрашивает он.

– Только в общих чертах, – отвечает Гектор. – Я подумал, будет интереснее, если мы оставим в этом вопросе некую неопределенность. Элемент неожиданности, так сказать. Я знаком здесь, в Лондоне, с одним директором театра, который с радостью ухватится за что-нибудь необычное. Когда придет время, я намекну ему, и он обязательно что-нибудь предложит. Лучше провести поединок на нейтральной территории, хотя я предполагал, что ты предпочтешь начать со своего берега.

– Имя этого человека?

– Чандреш. Чандреш Кристоф Лефевр. Поговаривают, он внебрачный сын какого-то индийского принца или что-то в этом роде. А мать, кажется, была балериной. Где-то тут, в этой куче, у меня должна быть его визитка. Тебе понравится его предусмотрительность. Он богат, эксцентричен. Иногда непредсказуем, слегка одержим, но я полагаю, такова неизбежная составляющая творческой природы.

Бумаги, лежавшие стопкой на столе, поднимаются и тасуются до тех пор, пока сверху не оказывается небольшая визитная карточка. Она плывет в другой конец комнаты, где Гектор легким движением руки ловит ее и пробегает глазами, прежде чем вручить человеку в сером костюме.

– Он устраивает отличные приемы.

Человек в сером костюме кладет визитку в карман, даже толком не взглянув на нее.

– Никогда о нем не слышал, – говорит он. – К тому же я не горю желанием решать подобные вопросы на публике. Мне нужно подумать.

– Чушь! Без публичности пропадает весь интерес. Она порождает столько ограничений, столько дополнительных условий и нюансов, которые приходится обходить.

После мимолетного раздумья человек в сером костюме кивает.

– У нас действует пункт о неразглашении? Это было бы справедливо, учитывая то, что я знаю о твоём игроке.

– Давай обойдемся без всяких пунктов – за исключением основного правила невмешательства, а там посмотрим, что из этого получится, – предлагает Гектор. – В этот раз мне хочется большей свободы. И никаких ограничений по времени. Я даже позволю тебе сделать первый ход.

– Отлично. Так и договоримся. Я с тобой свяжусь.

Человек в сером костюме поднимается со стула и стряхивает невидимую пыль с рукава.

– Был рад встрече с вами, мисс Селия.

Селия демонстрирует еще один безупречный реверанс, не сводя с гостя настороженного взгляда.

В знак прощания дотронувшись до шляпы, человек в сером костюме выскользывает за дверь и затем, покинув театр, растворяется в уличной толпе, словно тень.

В гримерке Гектор Боуэн хихикает что-то себе под нос, в то время как его дочь, стоя в углу, разглядывает шрам на пальце. Боль растаяла так же стремительно, как и само кольцо, но воспаленный красный след никуда не делся.

Взяв со стола серебряные часы, Гектор сверяет время с настенными. Он неспешно заводит часы, пристально глядя, как стрелки описывают круги по циферблату.

– Селия, – окликает он дочь, не глядя на нее, – почему часы необходимо заводить?

– Потому что для всего нужна энергия, – послушно повторяет она заученный урок, продолжая разглядывать свою ладонь. – Мы должны прикладывать усилия и тратить энергию, если хотим что-то изменить.

– Очень хорошо, – легонько встряхнув часы, он убирает их в карман.

– Почему ты сказал, что его зовут Александр? – неожиданно спрашивает Селия.

– Что за дурацкий вопрос?

– Это не его имя.

– С чего ты взяла? – удивляется Гектор и, ухватив ее пальцами за подбородок, пытается что-то разглядеть в глубине темных глаз.

Селия выдерживает его взгляд, но не знает, как объяснить, что она почувствовала. Она пытается воскресить в памяти образ человека в сером костюме, его светло-серые глаза и резкие черты лица, чтобы понять, почему это имя так ему не подходит.

– Это не настоящее имя, – говорит она. – Не то имя, что было дано ему при рождении. Он его носит, словно шляпу, и может снять в любой момент. Точно так же, как ты носишь имя Просперо.

– Да ты еще смысленнее, чем я мог мечтать, – хмыкает Гектор, никак не опровергая и не подтверждая ее догадок по поводу имени коллеги. Сняв с подставки свой цилиндр, он нахлобучивает его девочке на голову. Огромная шляпа тут же сползает, и детский вопросительный взгляд теряется в ловушке из черного шелка.

Оттенки серого *Лондон, январь 1874 г.*

Здание, такое же серое, как асфальт у его подножия и небо над крышей, кажется зыбким, словно облака – как будто в любой момент может раствориться в воздухе. Построенное из невзрачного серого камня, от зданий по соседству оно отличается лишь потускневшей вывеской над дверью. Даже директриса этого учреждения облачена в унылый темно-серый балахон.

И все же человек в сером костюме не вписывается в общую атмосферу.

Его сюртук скроен по последней моде. Серебряный набалдашник трости вызывающе блестит из-под руки, затакнутой в новенькую перчатку.

При встрече он называет себя, однако имя тут же вылетает у директрисы из головы, а переспросить ей неловко. Впоследствии, когда он подписывает все необходимые документы, разобрать оставленную им подпись не представляется возможным, да и сами бумаги таинственным образом исчезают спустя несколько недель.

Он предъявляет необычные требования к выбору ребенка. Сначала директриса никак не может понять, кого именно он ищет, но после ряда вопросов и уточнений приводит к нему троих детей: двух мальчиков и одну девочку. Мужчина просит разрешить ему побеседовать с каждым наедине, и директриса неохотно уступает.

С первым мальчиком беседа длится совсем недолго, и вскоре его отпускают. Когда он выходит в коридор, двое других детей бросают на него вопросительные взгляды, пытаясь угадать, что ждет их за дверью, но в ответ он лишь качает головой.

Девочка остается в кабинете чуть дольше, но потом и ее отпускают, растерянную и недоумевающую.

Последним беседовать с человеком в сером костюме отправляется второй мальчик. Ему указывают на стул возле директорского стола, однако сам человек в сером костюме остается стоять.

Этот мальчик не проявляет беспокойства, как первый. Он сидит тихо и спокойно, не позволяя себе откровенно глазеть по сторонам, однако при этом его серо-зеленые глаза отмечают все детали интерьера и исподволь наблюдают за мужчиной. Темные волосы мальчика пострижены весьма небрежно, словно парикмахеру постоянно приходилось отвлекаться, однако перед приходом сюда их явно попытались пригладить. Костюм изрядно поношен, но выглядит опрятно, несмотря на то что брючки коротковаты и вылиняли так сильно, что уже и не скажешь с уверенностью, какими они были изначально: синими, зелеными или коричневыми.

Мужчина несколько секунд разглядывает бедно одетого гостя и начинает разговор:

- Давно ты здесь?
- С рождения, – отвечает мальчик.
- Сколько тебе лет?
- В мае будет девять.
- На вид тебе меньше.
- Я говорю правду.
- Не сомневаюсь.

Человек в сером костюме некоторое время молча смотрит на мальчика.

Мальчик смотрит на него.

– Полагаю, ты умеешь читать? – спрашивает мужчина.

Мальчик кивает.

– Я люблю читать, – говорит он, – но здесь не хватает книг. Те, что есть, я уже прочел.

– Хорошо.

Внезапно, без предупреждения, человек в сером костюме бросает в мальчика тростью. Мальчик ловит ее одной рукой, даже не дрогнув, однако глаза его, сузившись от удивления, беспокойно перебегают с трости на мужчину и обратно.

Кивнув, мужчина протягивает руку и забирает трость, а затем носовым платком тщательно вытирает следы детских пальцев с блестящей поверхности.

– Очень хорошо, – замечает он. – Я беру тебя в ученики. Уверяю, у меня ты найдешь массу книг. Мы уезжаем, как только я улажу формальности.

– У меня есть право выбора?

– А ты предпочел бы остаться здесь?

Мальчик раздумывает лишь мгновение.

– Нет.

– Вот и прекрасно.

– Вы не хотите узнать, как меня зовут? – спрашивает мальчик.

– Имя совсем не так важно, как склонны думать большинство людей, – отвечает человек в сером костюме. – Ярлык, который на тебя навесило это учреждение или твои пропавшие родители, не представляет для меня ни интереса, ни ценности. Если в какой-то момент тебе потребуется имя, выберешь его сам. А пока вполне можно обойтись без него.

Он отпускает мальчика, чтобы тот мог сложить в небольшую дорожную сумку свои немногочисленные пожитки. Человек в сером костюме подписывает бумаги, и хотя на вопросы директрисы он отвечает так уклончиво, что она не в состоянии уловить суть, у нее не находится возражений против того, чтобы он забрал ребенка.

Когда, собравшись, мальчик появляется в кабинете, человек в сером костюме навсегда забирает его из серого здания.

Уроки чародейства 1875–1880 гг.

Детство Селии проходит на фоне сменяющих друг друга театров. Больше всего времени они проводят в Нью-Йорке, но бывают и затяжные гастроли в других городах. Бостон. Чикаго. Сан-Франциско. Редкие поездки в Милан, Париж или Лондон. Для Селии все эти театры сливаются в нескончаемый круговорот пыльных кулис, бархата и опилок, так что она подчас даже не понимает, в какой они сейчас стране, да это и не важно.

Все детство отец таскает ее за собой, словно холеную карманную собачку в дорогих нарядах, которой его коллеги и знакомые восхищаются, собираясь в баре после выступлений.

Когда она, по его мнению, становится слишком большой для роли красивой игрушки, он везде ходит один, оставляя ее коротать время в гримерках или гостиничных номерах.

Каждый вечер она думает, что будет, если вдруг однажды он не вернется, но он неизменно вваливается в комнату среди ночи, изредка гладит по голове, хотя она притворяется спящей, а чаще попросту ее не замечает.

Уроки теряют былую официальность. Если раньше они, даже не будучи слишком регулярными, назначались на конкретное время, то теперь он экзаменует ее постоянно, хотя по-прежнему строго наедине.

Даже такие элементарные действия, как завязывание шнурков на ботинках, он не позволяет ей делать руками. Пристально глядя на шнурки, усилием воли она завязывает и развязывает бесконечные бантики и хмурится, если они затягиваются в узелки.

На ее вопросы отец отвечает неохотно и уклончиво. Она смогла выяснить, что у человека в сером костюме, которого отец называет Александром, тоже есть ученик, и их ждет какая-то игра.

– Вроде шахмат? – спрашивает она как-то раз.

– Нет, – отвечает отец. – Не вроде шахмат.

Детство мальчика проходит в одном из лондонских таунхаусов. Он ни с кем не встречается. Даже обед ему оставляют на подносе под дверью, а потом оттуда же забирают пустые тарелки. Раз в месяц к нему приходит человек, который стрижет ему волосы и уходит, не проронив ни слова. Раз в год тот же самый человек снимает мерки для одежды.

Большую часть времени мальчик читает. И, конечно, пишет. Он конспектирует целые главы из книг, выписывает слова и срисовывает символы, которых поначалу не понимает, но со временем они становятся знакомыми и узнаваемыми, и строчки тянутся все ровнее и ровнее из-под его перепачканных чернилами пальцев. Он читает труды историков, мифы разных народов, романы. Понемногу он учится понимать чужие языки, хотя говорить на них ему трудно.

Время от времени ему случается попасть на экскурсию в музей или библиотеку, в нерабочее время, когда других посетителей очень мало или нет вовсе. Мальчик обожает такие вылазки: ему интересно, что хранят в себе эти здания, а еще для него это способ хотя бы ненадолго вырваться из привычной рутины. Однако подобное происходит крайне редко, и его никогда не выпускают из дома одного.

Человек в сером костюме приходит каждый день, обычно прихватив с собой новую стопку книг, и в течение ровно одного часа рассказывает о вещах, которые, как кажется Марко, он никогда не сможет понять до конца.

Лишь однажды мальчик решается спросить, когда ему будет позволено самому попробовать сделать что-либо из того, что человек в сером костюме изредка показывает ему во время их регулярных занятий.

– Когда ты будешь готов, – слышит он в ответ.

Готовым он будет признан еще нескоро.

Голубей, появляющихся во время выступлений Просперо на сцене, а иногда и в зале, держат в изящных клетках, которые доставляют в театр вместе с прочим багажом и инвентарем.

Как-то раз дверь гримерки резко захлопывается, от удара пирамида ящиков и сундуков в углу опасно кренится, и венчавшая ее клетка с голубями падает вниз.

Сундуки, качнувшись, вновь обретают равновесие, а клетку Гектор поднимает с пола и оценивает повреждения.

Большинство голубей кажутся просто напуганными, однако у одного явно сломано крыло. Гектор бережно достает птицу и ставит клетку на место. Погнутые прутья выпрямляются на глазах.

– Ты можешь его вылечить? – спрашивает Селия.

Отец переводит взгляд с раненой птицы на дочь, недовольный формулировкой вопроса.

– Можно мне его вылечить? – тут же исправляется она.

– Попробуй, – соглашается отец, протягивая ей птицу.

Селия нежно поглаживает дрожащего голубя, устремив напряженный взгляд на сломанное крыло.

Птица издает сдавленный крик боли, совершенно непохожий на обычное воркование.

– У меня не получается, – со слезами в голосе признает Селия, протягивая птицу отцу.

Гектор забирает у нее голубя и резким движением сворачивает ему шею, не обращая внимания на протестующий крик дочери.

– Живые твари подчиняются другим законам, – говорит он. – Учиться следует на более простых вещах.

Он берет единственную куклу Селии, лежащую на кресле, и бросает ее об пол. Фарфоровое личико рассыпается дождем осколков.

Когда на следующий день Селия приносит отцу целую куклу, он лишь коротко кивает в знак одобрения и сразу же отмахивается от нее, чтобы продолжить подготовку к выступлению.

– Ты мог его вылечить, – говорит Селия.

– Тогда ты не получила бы урок, – отвечает Гектор. – Чтобы расширять границы своих возможностей, ты должна знать, где они пролегают. Ты ведь хочешь победить, не так ли?

Кивнув, Селия переводит взгляд на куклу. На фарфоровом личике, растянутом в бессмысленной улыбке, нет ни единой царапинки, ни намек на то, что еще недавно оно было разбито вдребезги.

Девочка бросает куклу под кресло, где она и остается лежать, когда они уезжают из театра.

Человек в сером костюме на неделю вывозит мальчика во Францию, однако это не совсем каникулы. Отъезд был неожиданным; небольшой чемодан упаковали без его ведома.

Мальчик склонен предполагать, что его ждет какой-то необычный урок, но о занятиях ему не говорят ни слова. Под конец первого дня ему начинает казаться, что их приезд преследует исключительно гастрономические цели: он пробует все новые и новые виды сыра и зачарованно вдыхает восхитительный аромат свежее испеченной сдобы в булочных.

В притихшие музеи они приходят уже после закрытия. Мальчик безуспешно пытается ступать так же неслышно, как его учитель, и болезненно морщится, когда эхо шагов разносится под сводами пустых залов. Он не расстается с блокнотом, однако учитель считает, что увиденное лучше хранить в памяти.

Как-то раз его отправляют на вечерний спектакль.

Он думает, что его ждет театральная постановка или балет, однако представление, на которое он попадает, довольно необычное.

На сцене он видит человека с небольшой бородкой и гладко зачесанными назад волосами. Его руки в белых перчатках порхают, словно птицы, на фоне черного фрака, показывая несложные фокусы, подчас весьма небрежно. Из клеток с дверцами в днищах исчезают голуби, носовые платки появляются из кармана, чтобы через мгновение скрыться за манжетой.

Мальчик с любопытством разглядывает фокусника и немногочисленных зрителей. Происходящее на сцене явно приходится им по душе, и они, как водится, раздражаются аплодисментами.

Когда он делает попытку обсудить с учителем увиденное, тот говорит, что они смогут побеседовать об этом только после возвращения в Лондон в конце недели.

Следующим вечером мальчика приводят в театр повнушительнее и вновь оставляют там одного. Он впервые в столь людном месте, так что немного нервничает при виде битком набитого зала.

Человек на сцене выглядит старше, чем вчерашний фокусник. Фрак у него более изысканный. Движения более четкие. Каждый фокус необычен и поражает воображение.

Он срывает не просто аплодисменты, а настоящие овации.

И этот фокусник не прячет платки за шелковыми манжетами. Птицы появляются из самых неожиданных уголков театра, клеток у них нет и в помине. До сих пор мальчику доводилось наблюдать подобное только во время уроков. Это нечто из разряда волшебства и наваждений, которые ему было неоднократно велено держать в строжайшей тайне.

Мальчик аплодирует, когда чародей Просперо выходит на прощальный поклон.

И вновь наставник отказывается отвечать на вопросы ученика до тех пор, пока они не вернуться в Лондон.

В лондонском доме его встречает знакомая рутина, словно она никогда и не прерывалась. Человек в сером костюме первым начинает разговор, попросив мальчика описать разницу между двумя представлениями.

– Первый человек использовал различные механические приспособления и зеркала, чтобы заставить публику видеть только то, что ему нужно. Создавал для них иллюзию происходящего. Другой, носящий имя герцога из шекспировской «Бури», вроде бы делал то же самое, но без зеркал и отвлекающих уловок. Так же, как это делаете вы.

– Молодец.

– Вы знакомы с ним? – спрашивает мальчик.

– Знаком, и уже очень давно, – отвечает наставник.

– Он тоже учит своему искусству других, так же как и вы?

Мужчина кивает, но воздерживается от дальнейших объяснений.

– Почему люди в зале не чувствуют разницы? – спрашивает мальчик.

Для него эта разница очевидна, но в чем именно она заключается, он объяснить не может. Это нечто, что он не просто наблюдал – он это почувствовал.

– Люди видят то, что хотят видеть. А в большинстве случаев – то, что им скажут видеть.

На этом беседа заканчивается.

И хотя впоследствии у них еще случаются подобные, отдаленно напоминающие каникулы поездки, больше мальчика не отправляют на представления фокусников.

Перочинным ножом чародей Просперо один за другим режет пальцы собственной дочери и молча ждет, когда ее слезы иссякнут и она будет готова исцелить свои раны.

Капли крови устремляются обратно. Кожа срастается, разомкнутые края порезов находят находят друг друга, и раны полностью закрываются.

Когда все остается позади, плечи Селии, мгновение назад напряженные до предела, расслабленно опускаются, и она облегченно вздыхает.

Дав дочери лишь несколько секунд отдыха, отец вновь вскрывает ее только что исцеленные пальцы.

Человек в сером костюме вынимает из кармана платок и бросает на стол. Приглушенный стук, с которым он ударяется о поверхность, указывает на то, что складки батиста скрывают что-то тяжелое. Мужчина поднимает уголок ткани, и содержимое платка – одинокое золотое кольцо – выкатывается на стол. На потускневшей поверхности можно разглядеть гравировку. Мальчику кажется, что это латынь, однако надпись выполнена столь затейливой вязью, что слов ему разобрать не удается.

Человек в сером костюме убирает платок обратно в карман.

– Сегодня речь пойдет об узах, – объявляет он.

Когда урок переходит в стадию наглядной демонстрации, он велит мальчику надеть кольцо на палец. Сам он ни при каких обстоятельствах к мальчику не прикасается.

Когда кольцо начинает врезаться в кожу, мальчик пытается сдернуть его с пальца, но все его усилия тщетны.

– Эти узы нерушимы, мой мальчик, – говорит человек в сером костюме.

– С чем же они меня связали? – спрашивает мальчик, с беспокойством разглядывая шрам на том месте, где несколько секунд назад было кольцо.

– С обязательством, которое давно уже было возложено на тебя, и с человеком, которого ты еще нескоро встретишь.

Впрочем, в настоящее время эти детали несущественны. Это всего лишь необходимая формальность.

Мальчик кивает и больше не задает вопросов, но ночью, оставшись в одиночестве, он никак не может уснуть, часами разглядывая в лунном свете шрам на руке и гадая, с кем именно его связали невидимые узы.

За тысячи миль от Лондона, в заполненном до отказа театре, человек на сцене срывает восторженные овации, а за сценой, укрывшись в тени старых театральных декораций, свернувшись клубочком, плачет Селия Боуэн.

Le Bateleur *Лондон, май – июнь 1884 г.*

Незадолго до того, как мальчику исполняется девятнадцать лет, человек в сером костюме переселяет его из таунхауса в небольшую квартиру с видом на Британский музей.

Поначалу юноша думает, что это ненадолго. Ведь они нередко проводили по несколько недель, а то и месяцев во Франции, Германии или Греции, посвящая урокам куда больше времени, чем осмотру достопримечательностей. Однако на сей раз это не похоже на одну из тех «каникулярных» поездок, в которых он привык останавливаться в дорогих отелях.

Довольно скромная квартира обставлена лишь самым необходимым и во многом напоминает его прежнее жилище, так что, как он ни пытается вызвать в себе хотя бы отголосок тоски по дому, ему это не удается. Единственное, по чему он скучает, – это библиотека, хотя собрание книг в новой квартире тоже довольно внушительное.

У него есть шкаф, битком набитый безукоризненными и при этом совершенно безликими черными костюмами. Накрахмаленными белыми рубашками. Целая полка изготовленных на заказ котелков.

Он пытается узнать, когда начнется то, что ему всегда преподносилось как испытание. Человек в сером костюме ничего об этом не говорит, но сам факт переезда на новое место свидетельствует о формальном завершении занятий.

Однако он продолжает учебу самостоятельно. Ведет конспекты, полные таинственных символов и знаков, изучает прежние записи и обнаруживает в них многое, что снова заставляет задуматься. Постоянно носит с собой небольшие блокноты; исписав их до конца, он переписывает все в блокноты потолще.

Каждый блокнот он начинает одинаково: в мельчайших подробностях черной тушью выводит на титульном листе причудливое дерево. Черные ветви с первой страницы тянутся на последующие, их переплетения рождают буквы и символы, так что вся бумага почти полностью скрывается под обилием чернил. Все эти руны, иероглифы и таинственные символы, многократно переплетенные, являются продолжением дерева на первой странице.

У него собран целый лес таких деревьев, они стройными рядами занимают его книжные полки.

Он постоянно практикуется в том, чему его обучили, хотя подчас ему очень трудно самому создать по-настоящему правдоподобную иллюзию. Он подолгу изучает отражения в зеркалах.

Не сдерживаемый более ни жестким графиком занятий, ни замками на дверях, он много гуляет. Обилие людей на улицах действует ему на нервы, но радость от возможности выйти из квартиры, когда вздумается, перевешивает страх случайно врезаться в кого-нибудь на перекрестке.

Он подолгу просиживает в парках и кафе, наблюдая за людьми, которые не обращают на него, растворившегося в неприметном черном костюме и котелке среди множества таких же молодых людей, никакого внимания.

Однажды он отправляется в свой прежний дом в надежде, что, если он всего лишь пригласит наставника на чашку чая, это не будет расценено как навязчивость, однако обнаруживает, что дом пуст, а окна закрыты ставнями.

По дороге назад, сунув руку в карман, он понимает, что потерял тетрадь.

Идущая мимо женщина бросает на него удивленный взгляд и поспешно делает шаг в сторону, когда он, громко выругавшись, внезапно останавливается посреди оживленной улицы.

Он пускается в обратный путь, и с каждым поворотом его волнение нарастает.

Начинается дождь. Это всего лишь легкая морось, но среди толпы то тут, то там раскрываются зонты. Он опускает отворот котелка, чтобы капли не попадали в глаза, продолжая шарить взглядом по тротуару в поисках оброненной тетради.

Остановившись на углу под козырьком кафетерия и глядя на мерцающие уличные фонари, он раздумывает, не стоит ли ему подождать, когда народу на улице станет поменьше или дождь прекратится. Всего в нескольких шагах под другим козырьком он замечает девушку, с интересом листающую тетрадь, в которой он безошибочно узнает свою.

На вид девушке лет восемнадцать или чуть меньше. У нее светлые глаза и волосы неопределенного цвета – не то светлые, не то русые. Платье, еще пару лет назад считавшееся довольно модным, изрядно промокло.

Он подходит ближе, но она, поглощенная содержанием тетради, не обращает на него никакого внимания. Чтобы было удобнее переворачивать тонкие листы, она даже сняла перчатку с одной руки. Теперь он точно видит, что это именно его тетрадь, раскрытая на странице, где приколоты карта, изображающая колесо со спицами в окружении крылатых существ. И карта, и листок исписаны его почерком так, что сливаются воедино.

Он замечает, что она листает тетрадь со смешанным выражением недоумения и любопытства.

– Кажется, это моя тетрадь, – наконец говорит он. Вздрыгнув от неожиданности, девушка роняет тетрадь, которую он едва успевает подхватить, однако ее перчатка при этом падает на тротуар. Подняв перчатку, он протягивает ее девушке, и она с удивлением обнаруживает улыбку на его лице.

– Прошу прощения, – извиняется она, принимая перчатку и возвращая тетрадь. – Вы обронили ее в парке, я хотела догнать вас, чтобы вернуть, но потеряла из виду, а потом... Простите.

Окончательно смутившись, она замолкает.

– Все в порядке, – говорит он с облегчением, потому что пропажа вернулась к нему. – Я испугался, что потерял ее навсегда, а это было бы весьма некстати. Я очень обязан вам, мисс?..

– Мартин, – представляется она, однако что-то подсказывает ему, что имя явно вымышленное. – Изобель Мартин.

Устремив на него вопросительный взгляд, она ждет, что он тоже представится.

– Марко, – отвечает он. – Марко Алисдер.

Необходимость произносить это имя вслух возникает крайне редко, и ему непривычно слышать его из собственных уст. Именем, данным ему при рождении, и фамилией, отдаленно напоминающей псевдоним его наставника, он подписывался так часто, что сочетание начало казаться ему почти родным, однако представляться им он еще не привык.

Впрочем, легкость, с которой это имя воспринимает Изобель, помогает и ему почувствовать его почти настоящим.

– Рада встрече, господин Алисдер, – улыбается она.

Ему следует поблагодарить ее, забрать тетрадь и раскланяться, это самое разумное решение. Однако он отчего-то не спешит возвращаться в пустую квартиру.

– Могу ли я в знак благодарности предложить вам что-нибудь выпить, мисс Мартин? – интересуется он, пряча тетрадь в карман.

Изобель колеблется, вероятно, сомневаясь, стоит ли принимать подобное приглашение от случайного человека в столь поздний час, однако потом, к его удивлению, кивает.

– С удовольствием, благодарю вас, – говорит она.

– Вот и славно. Тут неподалеку есть местечко попримичнее этого, – Марко кивает в сторону окна, возле которого они стоят. – Если, конечно, вы не возражаете против прогулки под дождем. Боюсь, я не захватил с собой зонта.

– Не возражаю, – улыбается Изобель. Марко предлагает ей взять его под руку, что она незамедлительно делает, и они вдвоем выходят под моросящий дождь.

Марко ощущает нарастающую в ней тревогу, когда, миновав пару кварталов, они сворачивают в узкий темный переулок. Впрочем, стоит ему остановиться напротив сияющего огнями входа в кафе с ярким витражным окном, как девушка успокаивается. Марко придерживает дверь, пропуская спутницу внутрь, и они оказываются в уютном заведении, которое за последние несколько месяцев стало его любимым. Это одно из немногих мест в Лондоне, где он чувствует себя по-настоящему легко и свободно.

Повсюду, где только возможно, мерцают свечи в стеклянных подсвечниках; стены выкрашены в сочный бордовый цвет. Посетителей мало, и большинство столиков в зале пустуют. Они выбирают маленький столик возле окна. Марко делает знак женщине за барной стойкой, и в скором времени та приносит им по бокалу красного вина, а затем удаляется, оставив на столе бутылку и вазочку с желтой розой.

Под тихий шум дождя, барабанившего по стеклу, они ведут непринужденную беседу – обо всем и ни о чем. Марко почти ничего не рассказывает о себе, Изобель не уступает ему в скрытности.

Когда Марко спрашивает, не хочет ли она поесть, Изобель вежливо отказывается, но по ней видно, что она страшно проголодалась. Он вновь делает знак женщине за стойкой, и через несколько минут та появляется с тарелкой, на которой выложен сыр, фрукты и ломтики багета.

– Как вам удалось отыскать это место? – спрашивает Изобель.

– Методом проб и ошибок, – признается он. – На этапе поисков мною было выпито немало бокалов преотвратнейшего вина.

– Сочувствую, – смеется Изобель. – По крайней мере, эти жертвы были не напрасны. Очаровательное заведение. Настоящий оазис.

– Оазис, где наливают отличное вино! – улыбается Марко, приподнимая бокал.

– Это место напоминает мне Францию, – говорит Изобель.

– Вы француженка?

– Нет, просто жила там какое-то время.

– Я тоже. Впрочем, это было довольно давно. И вы правы, здесь царит французский дух. Думаю, отчасти именно это меня и околдовало. Большинству здешних заведений это оказалось не под силу, да они и не пытались.

– Вы и сами кого угодно околдуете, – говорит Изобель, и тут же, залившись краской, жалеет, что не может взять слова обратно.

– Спасибо, – отвечает Марко, не придумав ничего более удачного.

– Простите, – бормочет Изобель, явно смутившись. – Я не хотела...

Она замолкает, но полтора бокала вина, видимо, успевшие придать ей храбрости, заставляют ее продолжить:

– Ваша книга – она ведь о колдовстве.

Она поднимает на него глаза, но, не дождавшись никакой реакции, отводит взгляд в сторону.

– Заклинания, чары, – бормочет она, заполняя возникшую паузу, – талисманы, тайные знаки... Я не понимаю, что они означают, но это же какое-то колдовство, верно?

Она нервно делает глоток вина, прежде чем осмеливается на него взглянуть.

Марко, обеспокоенный тем, какой оборот принимает их беседа, тщательно подбирает слова.

– И что же юной леди, некогда успевшей пожить во Франции, известно о чарах и заклинаниях? – интересуется он.

– Только то, что можно почерпнуть из книг, – отвечает она. – Что кроется за всеми этими знаками, я не помню. Мне знакомы символы из области астрологии и немного из алхимии, но весьма поверхностно.

Она замолкает, словно сомневаясь, стоит ли продолжать, но потом решается:

– *La Roue de Fortune*, Колесо Фортуны. Я видела эту карту в вашей книге. Я ее знаю. У меня тоже есть колода.

Если до этого момента Марко видел в ней всего-навсего приятную собеседницу, пусть и довольно привлекательную, то это признание заставляет его податься вперед. Он смотрит на девушку с внезапно возросшим интересом.

– Хотите сказать, что вы гадаете на Таро, мисс Мартин? – спрашивает он. Изобель кивает.

– Гадаю. Пытаюсь, по крайней мере, – говорит она. – Но только для себя, так что вряд ли это может считаться гаданием. Я научилась несколько лет назад.

– А колода у вас с собой?

Изобель снова кивает. Поскольку она не выказывает намерения достать колоду из сумки, он вынужден попросить:

– Если не возражаете, я очень хотел бы взглянуть.

Изобель неуверенно оглядывается на других посетителей кафе.

– Не беспокойтесь о них, – отмахивается Марко. – Чтобы напугать эту публику, нужно что-то посерьезнее колоды карт. Но если вам неловко, я не настаиваю.

– Нет-нет, я совсем не против! – говорит Изобель, открывая сумку и вынимая колоду карт, аккуратно обернутую черным шелковым лоскутом. Вызволив карты из шелкового плена, она кладет их на стол.

– Вы позволите? – просит разрешения Марко, протягивая руку.

– Конечно, – удивленно соглашается Изобель.

– Некоторые гадатели не любят, чтобы их карт касались чужие руки, – поясняет Марко. – Я не хотел показаться бесцеремонным.

Он осторожно берет со стола колоду, и на него накатывает волна воспоминаний о собственных уроках прорицания. Он переворачивает верхнюю карту: *Le Bateleur*. Маг. Не сдержавшись, Марко улыбается изображению, а затем возвращает карту на место.

– Вы тоже гадаете? – спрашивает его Изобель.

– О нет! – отвечает он. – Мне известны значения карт, но они со мной не говорят. Во всяком случае, не так много, чтобы я мог гадать.

Он переводит взгляд с карт на Изобель, по-прежнему недоумевая, кто она такая.

– А с вами? С вами они разговаривают, верно?

– Я никогда не думала об этом в таком ключе, но, пожалуй, вы правы, – соглашается Изобель.

Она молча наблюдает за Марко, пока он перебирает колоду. Он обращается с картами так же бережно, как она с его тетрадью, аккуратно придерживая их за края. Дойдя до конца колоды, он возвращает ее на стол.

– Этим картам много лет, – замечает он. – Гораздо больше, чем вам, насколько я могу судить. Можно поинтересоваться, как они к вам попали?

– Это давняя история. Я наткнулась на них в антикварном магазинчике в Париже, они были в шкатулке для драгоценностей, – рассказывает Изобель. – Хозяйка наотрез отказалась продавать, велела забирать даром, лишь бы я унесла их из магазина. Она утверждала, что это карты дьявола. *Cartes du Diable*.

– В подобных вопросах люди невежественны, – говорит Марко. Эти слова то и дело повторял ему наставник в качестве увещания и предостережения. – Им легче назвать это происками дьявола, чем попытаться разобраться, что есть что. Грустно, но это так.

– Ваша тетрадь – для чего она вам? – спрашивает Изобель. – Я не собиралась совать нос в чужие дела, но мне так интересно! Надеюсь, вы простите мне мое любопытство.

– Вы позволили мне удовлетворить мое, разрешив рассмотреть вашу колоду, так что тут мы квиты, – улыбается Марко. – Однако боюсь, все это довольно непросто. Непросто объяснить, а еще сложнее – поверить, что это правда.

– Я могу поверить многому, – уверяет Изобель.

Марко молчит, всматриваясь в ее лицо так же пристально, как до этого разглядывал ее карты. Изобель выдерживает этот взгляд и не опускает глаза.

Искушение слишком велико. Обрести кого-то, кто хотя бы отчасти сумеет понять, в каком мире ему пришлось провести большую часть своей жизни. Он знает, что затея не из лучших, но остановиться уже не может.

– Я мог бы показать, если хотите, – после минутного раздумья предлагает он.

– Очень хочу, – с готовностью откликается Изобель.

Они допивают вино, и Марко расплачивается с хозяйкой.

Надев котелок, он берет Изобель под руку, и они выходят из теплого кафе под морозящий дождь.

Не доходя до конца квартала, Марко резко останавливается напротив арки, которая ведет в просторный сквер, скрывающийся за коваными воротами. От тротуара до ворот несколько метров.

– Это сгодится, – решает Марко.

Он уводит Изобель с тротуара вглубь арки и ставит спиной к холодной мокрой каменной стене, а сам встает напротив, так близко, что она может разглядеть каждую каплю дождя на полях его шляпы.

– Сгодится для чего? – ее голос дрожит от волнения. Дождь не прекращается, и идти им некуда. В ответ Марко лишь прижимает к губам палец, пытаясь сконцентрировать все свое внимание на дожде и куске стены за ее спиной.

Ему еще ни на ком не доводилось опробовать этот трюк, и он совсем не уверен, что у него что-либо получится.

– Вы доверяете мне, мисс Мартин? – спрашивает он, глядя на нее так же пристально, как в кафе, только на сей раз его глаза находятся в считанных сантиметрах от ее.

– Да, – без колебаний откликается она.

– Хорошо.

Стремительным движением Марко поднимает руку и плотно прижимает ее к глазам Изобель.

От неожиданности Изобель замирает. Из-под его ладони ей ничего не видно, а из ощущений осталось лишь прикосновение намокшей перчатки к коже. Она начинает дрожать, сама не зная точно, холодный дождь тому виной или что-то другое. Возле ее уха Марко едва слышно шепчет какие-то слова, значения которых она не понимает. Потом звук дождя тает в ее ушах, а гладкая стена за спиной внезапно становится неровной. Темнота в глазах как будто постепенно рассеивается, и тогда Марко убирает руку.

Когда глаза немного привыкают к свету, первое, что видит Изобель, – это Марко: он по-прежнему стоит перед ней, однако что-то изменилось. На полях его котелка больше не собираются капли. Дождь кончился, все вокруг залито ярким солнечным светом. Но не это заставляет Изобель ахнуть.

Судорожный вздох вырывается у нее, когда она понимает, что стоит посреди леса, прижавшись спиной к огромному вековому стволу. Обнаженные деревья тянутся черными ветвями в бездонную синеву раскинувшегося над их головами неба. Земля припорошена снегом, и он играет на солнце яркими бликами. Это чудесный зимний день, и на многие мили вокруг

не видно ни одного дома, лишь бесконечная череда деревьев на фоне искрящегося снега. Где-то рядом раздается птичья трель, другая вторит ей издалека.

Изобель ошеломлена. Ее щеки согревает солнце, пальцы касаются шершавой коры. Она чувствует, что снег холодный на ощупь, и внезапно обнаруживает, что ее платье уже не мокрое от дождя. Даже морозный воздух, наполняющий ее легкие, ничем не напоминает привычный лондонский смог – это чистейший деревенский воздух. Невероятно, однако это именно так.

– Невозможно, – выдыхает она, вновь оборачиваясь к Марко. Он с улыбкой смотрит на нее, и в его зеленых глазах яркими всполохами отражается зимнее солнце.

– Нет ничего невозможного, – говорит он, и Изобель заливается смехом – беззаботным и радостным, как у ребенка.

Тысячи вопросов роятся у нее в голове, но она не может толком сформулировать ни один из них. В памяти всплывает изображение карты Таро, *Mag*.

– Ты волшебник, – говорит она.

– Кажется, раньше меня никто так не называл, – отвечает Марко, и Изобель снова смеется. Она все еще продолжает смеяться, когда он наклоняется, чтобы ее поцеловать.

Над их головами кружится пара птиц, легкий ветерок колышет ветви деревьев.

Прохожие, в сгущающихся сумерках спешащие по одной из лондонских улиц, не обращают на них никакого внимания. Они – просто влюбленные, которые целуются под дождем.

Обманщики *Июль – ноябрь 1884 г.*

Чародей Просперо расстается с большой сценой без каких-либо объяснений. Впрочем, в последние годы он так мало гастролировал, что его уход замечают немногие.

Чародей Просперо ушел на покой, но Гектор Боуэн не сидит на месте.

Он переезжает из одного города в другой с сеансами, на которых его шестнадцатилетняя дочь выступает в роли медиума.

– Папа, мне это противно, – часто жалуется Селия.

– Если ты можешь придумать лучший способ с пользой провести время, пока не начнется твое испытание, – и не смей говорить о чтении! – я готов тебя выслушать при условии, что этот способ будет приносить те же деньги, что и мой. Не говоря уже о том, что так ты получаешь бесценный опыт публичных выступлений.

– Эти люди просто несносны, – вздыхает Селия, хотя это не совсем то, что она имеет в виду. В их присутствии ей неловко. Из-за того, как они смотрят на нее – умоляющими, заплаканными глазами. Смотрят, как на вещь, как на ниточку, способную, пусть хотя бы ненадолго, соединить их с умершими близкими, по которым они безнадежно тоскуют.

Они говорят о ней так, словно ее нет рядом, словно она столь же бесплотна, как души их любимых. Ей приходится делать над собой усилие, чтобы не поморщиться, когда после сеанса они неизбежно бросаются ей на шею со словами благодарности, перемежающимися с рыданиями.

– Все они ничтожества, – говорит ее отец. – Им даже в голову не приходит задуматься о том, что они видят и слышат на самом деле, им проще слепо верить в общение с загробным миром. Зачем же отказываться от того, что само плывет в руки? Особенно учитывая то, с какой легкостью они готовы расстаться со своими деньгами в обмен на такую ерунду.

Селии кажется, что никакие деньги не стоят ее мучений, но Гектор непоколебим, и они продолжают путешествовать, демонстрируя клиентам поднимающиеся в воздух столы и заставляя их слышать таинственный стук по стенам, оклеенным обоями самых разнообразных расцветок.

Она не перестает удивляться, как неистово их клиенты жаждут общения с умершими. Сама она ни разу не испытала желания встретиться с покойной матерью. К тому же она не уверена, что, даже будь это возможно, мать вообще стала бы с ней разговаривать, да еще таким сомнительным способом.

Ей хочется сказать им: это все обман. Мертвые души не витают вокруг нас, не стучат по чашкам и столешницам и не шепчутся за колышущимися порттьерами.

Иногда она разбивает какую-нибудь ценную вещицу и сваливает вину на беспокойных духов.

Они меняют город за городом, и отец придумывает для нее разные имена, но чаще всего называет ее Мирандой – видимо, зная, как она это ненавидит.

После нескольких месяцев таких гастролей она едва держится на ногах, изможденная переездами, постоянным напряжением и голодом. Отец почти не позволяет Селии есть, утверждая, что впалые щеки придают ей убедительности, создают иллюзию близости к загробному миру.

Лишь после того, как во время одного из сеансов она падает в самый настоящий обморок, он соглашается ненадолго вернуться домой в Нью-Йорк.

Как-то за чаем, укоризненно глядя, сколько масла и джема она намазывает на булочку, он сообщает, что договорился о сеансе в следующие выходные. Одна из безутешных городских вдовушек готова раскошелиться и заплатить вдвое больше обычного.

– Я сказал, что ты можешь отдохнуть, – заявляет он в ответ на ее отказ, даже не поднимая глаз от кипы газет, разложенных перед ним на столе. – У тебя было три дня, этого вполне достаточно. Ты отлично выглядишь. Со временем ты затмишь красотой собственную мать.

– Не знала, что ты помнишь, как выглядела моя мать, – огрызается Селия.

– А ты помнишь? – отец бросает на нее быстрый взгляд. Насупившись, она ничего не отвечает, и он продолжает:

– Возможно, я и провел в ее обществе лишь пару-тройку недель, но помню ее гораздо лучше тебя, а ведь ты провела с ней пять лет. Время – странная штука. В конце концов, ты тоже это поймешь.

Он снова утыкается в газету.

– А что насчет испытания, к которому ты меня якобы готовишь? – спрашивает Селия. – Или это просто один из твоих способов обогатиться?

– Селия, дорогая, – вздыхает Гектор. – В твоей жизни грядут значительные события, но когда они произойдут, зависит не от нас. Первый ход должен сделать противник. Нас известят, когда тебе придет пора вступать в игру.

– Тогда какая разница, чем я занята, пока время не пришло?

– Тебе нужно практиковаться.

Склонив голову набок, Селия кладет руки на стол и смотрит на отца. Газеты сами собой начинают складываться в причудливые фигуры: пирамиды, спирали, шуршащих крыльями бумажных голубей.

Отец отрывается от газет, он крайне раздражен. Подняв тяжелый пресс для бумаги, он с размаху опускает его на ее запястье. Слышен хруст ломающихся костей.

Газеты распрямляются и ложатся грудой на стол.

– Тебе нужно практиковаться, – повторяет он. – Твоя концентрация никуда не годится.

Не проронив ни слова, Селия выходит из комнаты, придерживая запястье и глотая слезы.

– И ради всего святого, прекрати реветь! – кричит отец ей вслед.

На то, чтобы вправить и срастить раздробленные кости, у нее уходит почти целый час.

Изобель сидит в обычно пустующем кресле в квартире Марко, безуспешно пытаясь заплести сложную косичку из дюжины шелковых лент, пестрой радугой струящихся между пальцами.

– Чушь какая-то, – бурчит она, с досадой глядя на спутанные ленты.

– Это простейшее волшебство, – отзывается Марко из-за стола, заваленного раскрытыми книгами. – Каждая лента символизирует что-то свое, и у каждого узелка есть смысл и цель. Вроде твоих карт, только те всего лишь раскрывают значение происходящего, а тут каждое переплетение воздействует на реальность. Но без веры у тебя ничего не получится, я же объяснял.

– Видимо, я не в том настроении, чтобы поверить, – говорит Изобель, распуская узелки, и кладет ленты на подлокотник. – Завтра я попробую еще разок.

– Тогда помоги мне, – просит Марко, поднимая голову от книг. – Подумай о чем-нибудь. О каком-то предмете. О важном для тебя предмете, про который я точно ничего не могу знать.

Изобель вздыхает, но послушно закрывает глаза и сосредоточивается.

– Это кольцо, – через мгновение говорит Марко, разглядев мысленный образ так же легко, как если бы она нарисовала его на бумаге. – Золотое кольцо с сапфиром и двумя бриллиантами по краям.

Глаза Изобель широко распахиваются.

– Как ты узнал? – спрашивает она.

Ухмыльнувшись, он уточняет:

– Это обручальное кольцо?

Прижав руку к губам, она изумленно кивает.

– Ты его продала, – продолжает Марко вытягивать из ее памяти обрывки воспоминаний, связанных с кольцом. – В Барселоне. Тебя выдавали замуж, ты сбежала из-под венца и поэтому оказалась в Лондоне. Почему ты мне не сказала?

– Это не самая удачная тема для беседы, – отвечает Изобель. – Между прочим, ты сам почти ничего о себе не говоришь. Может быть, ты тоже сбежал из-под венца.

Глядя на нее, Марко силится найти нужные слова, но Изобель внезапно раздражается смехом.

– Наверняка он искал кольцо дольше, чем меня, – говорит она, смотря на свою руку. – Оно было чудесное. Мне ужасно не хотелось с ним расставаться, но денег совсем не осталось, а продать больше было нечего.

Марко уже собирается сказать, что она наверняка выручила за кольцо неплохую сумму, но тут раздается стук в дверь.

– Хозяин квартиры? – шепотом спрашивает Изобель, но Марко качает головой, прижав палец к губам.

Лишь один человек может без предупреждения постучать в его дверь.

Прежде чем открыть, Марко жестом велит Изобель спрятаться в кабинете.

Человек в сером костюме не переступает порога. Он ни разу не заходил в квартиру с того самого дня, как заставил ученика переехать сюда и начать самостоятельную жизнь.

– Ты должен поступить на работу к этому человеку, – сообщает он, не тратя времени на приветствие, и вынимает из кармана потрепанную визитку. – Видимо, тебе понадобится имя.

– Оно у меня уже есть, – говорит Марко.

Человек в сером костюме не спрашивает, что за имя он себе выбрал.

– Тебя ждут на собеседование завтра после обеда, – продолжает он. – В последнее время я вел с месье Лефевром ряд совместных проектов, что позволило дать тебе хорошую рекомендацию, однако ты должен будешь сделать все от тебя зависящее, чтобы получить это место.

– Это означает начало испытания? – спрашивает Марко.

– Пока это просто маневр, который позволит тебе занять более выигрышную позицию.

– А когда начнется само испытание? – Марко вновь задает вопрос, который задавал уже неоднократно, но ни разу не получал четкого ответа.

– Это прояснится со временем, – отвечает человек в сером костюме. – И когда оно начнется, тебе было бы полезно все свое внимание направить именно на него.

Указав взглядом на закрытую дверь кабинета, он добавляет:

– Ни на что не отвлекаясь.

Он поворачивается и уходит прочь, а Марко остается стоять у порога, вновь и вновь перечитывая имя на пожелтевшей визитке.

В конце концов Гектор Боуэн поддается на уговоры дочери остаться в Нью-Йорке, но у него есть на то свои причины.

Иногда напоминая ей о необходимости больше практиковаться, он почти не обращает на нее внимания, подолгу просиживая в одиночестве у себя в кабинете этажом выше.

Селию это устраивает, большую часть времени она проводит за чтением. Она тайком бегаёт в книжные магазины, дивясь, что отец не задаётся вопросом, откуда в доме появляются свежееотпечатанные тома.

Кроме того, она много тренируется, разбивая самые разнообразные вещи, чтобы потом воссоздать их в целостности и сохранности. Заставляя книги птицами летать по комнате, она засекает, как долго они способны продержаться в воздухе, прежде чем ей придется сделать новое усилие.

Она довольно бойко управляется с тканями – магия позволяет ей изменять свои наряды, чтобы они хорошо сидели на ее округлившись формах.

Ей приходится напоминать отцу, чтобы тот спустился и поел, но в последнее время он все чаще и чаще отказывается и почти не покидает кабинета.

Сегодня он даже не ответил на ее настойчивый стук в дверь. От раздражения, зная, что он заколдовал замки и даже его ключом ей не удастся их отпереть, она пинает дверь, и, к ее удивлению, дверь распаивается.

Отец стоит возле окна, напряженно разглядывая вытянутую вперед руку. Солнечный свет, проникая сквозь заиндевевшее стекло, играет на его рукаве.

Рука растворяется в воздухе, затем появляется вновь. Он выпрямляет пальцы и морщится, когда слышит хруст суставов. Любопытство побеждает раздражение, и Селия спрашивает:

– Папа, что ты делаешь?

Она никогда не видела, чтобы он делал что-то подобное – ни на сцене, ни во время их уроков.

– Ничего, о чем тебе следовало бы знать, – отвечает отец, опуская закатанный рукав рубашки.

Дверь с грохотом захлопывается у нее перед носом.

Мишень *Лондон, декабрь 1884 г.*

На стене кабинета, в окружении высоких стеллажей и картин в золоченых рамах с виньетками, висит мишень для дротиков. Несмотря на яркие цвета, в сумраке она едва различима для глаз, однако при каждом броске клинок снова и снова попадает в цель. Почти в яблочко, прячущееся за приколотой к мишени газетной вырезкой.

Это театральная рецензия, аккуратно вырезанная из *London Times*. Отзыв хвалебный, даже, можно сказать, восторженный. Тем не менее сейчас его целенаправленно уничтожают, то и дело пронзая кинжалом с серебряной рукоятью. Острие клинка рассекает бумагу и утопает в пробковой основе мишени. Его извлекают лишь для того, чтобы сделать еще один бросок.

Запущенный уверенной рукой, кинжал в полете делает несколько оборотов, чтобы в конце концов острием поразить цель. Этим занят Чандреш Кристоф Лефевр, чье имя значится в вышеупомянутой заметке, отпечатанное четким типографским шрифтом.

Заняться метанием дротика господина Лефевра заставила та самая фраза, в которой упоминается его имя. Одна единственная фраза, и она гласит следующее:

«Месье Чандреш Кристоф Лефевр продолжает раздвигать границы возможного в современном театральном мире и поражать своих зрителей эффектами, кажущимися почти сверхъестественными».

Большинство театральных продюсеров были бы польщены подобной оценкой. Она заняла бы свое место в альбоме с прочими хвалебными отзывами, и на нее ссылались бы при случае.

Но этот продюсер не таков. Нет, месье Чандреш Кристоф Лефевр сосредоточился на предпоследнем слове. Почти. *Почти*.

Кинжал в очередной раз летит через комнату, проносится над украшенным резными подлокотниками креслом в бархатной обивке, пролетает в опасной близости от хрустального графина с бренди. Несколько плавных оборотов клинка и рукояти, и он вновь вонзается острием в мишень. На сей раз он протыкает истерзанный клочок бумаги между словами «поражать» и «зрителей», так что слово «своих» полностью исчезает из виду.

Чандреш подходит к мишени и уверенным движением выдергивает клинок. Он возвращается на прежнее место, в одной руке кинжал, в другой бокал бренди, разворачивается и делает очередной бросок, целясь в одно ненавистное слово. Почти.

Он что-то упустил, это ясно как божий день. Если его спектакли всего лишь *почти* сверхъестественные, в то время как до истинно сверхъестественного рукой подать, и оно ждет не дождется, чтобы его достигли, – стало быть, нужно что-то предпринять.

Эти мысли крутятся у него в голове с того самого момента, как рецензия оказалась на его столе, отчеркнутая и вырезанная заботливой рукой секретарши. Она сохранила несколько экземпляров заметки для истории где-то у себя, поскольку вырезки, попадающие Чандрешу на стол, часто встречают столь же безрадостный конец: он болезненно переживает каждое слово.

Чандреш дорожит восхищением зрителей. Настоящим восхищением, а не просто вежливыми аплодисментами. Подчас реакция зала для него важнее самого шоу. В конце концов, шоу без зрителей – это шпик. Именно в том, как публика откликается на происходящее, таится подлинная сила действия.

Ребенком его часто водили на балет, так что он практически вырос в театральной ложе. Поскольку усидчивость не входила в список его достоинств, танцевальные па быстро ему наскучили, и он решил, что куда интереснее смотреть не на сцену, а на зрителей. Он наблюдал, когда они улыбаются или вздрагивают, когда женщины вздыхают, а мужчины начинают клевать носом.

Поэтому неудивительно, что теперь, спустя многие годы, его интерес по-прежнему вызывает не столько представление само по себе, сколько публика. Хотя, чтобы публика пришла в наивысший восторг, представление должно быть поистине зрелищным.

И поскольку невозможно оценить реакцию каждого зрителя во время каждого его шоу (от захватывающих драматических спектаклей до экзотических танцев и нескольких проектов, в которых совмещено и то, и другое), он вынужден полагаться на рецензии.

Впрочем, уже давно не было рецензии, которая задела бы его за живое так, как эта. И уж точно за прошедшие несколько лет ни одна не вынудила его заняться метанием кинжала.

Клинок вновь поражает цель, на сей раз пронзая слово «театральный».

Чандреш отправляется за кинжалом, по пути потягивая бренди. Несколько секунд он разглядывает изодранную в клочья заметку, пытаясь разобрать слова. Потом громко зовет к себе Марко.

Звезды во тьме

Зажав билет в руке, вместе с нескончаемой чередой других зрителей тыходишь в цирк и ждешь начала представления, поглядывая на черно-белый циферблат, размеренно отщелкивающий секунды.

После кассы тебе предложен один-единственный путь – за тяжелую черно-белую портьеру. Один за другим люди проходят за нее и исчезают из виду.

Когда наступает твой черед, ты отодвигаешь рукой ткань, делаешь шаг и оказываешься в непроглядной тьме, как только портьера вновь падает у тебя за спиной.

Через несколько секунд глаза привыкают к темноте, и ты замечаешь, что вокруг тебя на стенах, словно звезды, начинают вспыхивать крошечные огоньки.

И хотя буквально мгновение назад толпа окружала тебя столь тесно, что ты мог дотронуться до любого посетителя цирка, теперь ты обнаруживаешь, что рядом нет ни души, и ты в одиночестве на ощупь пробираешься по темному лабиринту коридора.

Он петляет то в одну сторону, то в другую, и поскольку все освещение – это лишь тусклое мерцание крошечных огоньков, у тебя нет ни малейшего представления, насколько далеко ты продвинулся и в какую сторону идешь.

В конце концов ты вновь упираешься в портьеру. Мягкая бархатистая ткань послушно раздвигается, стоит твоим пальцам ее коснуться.

По другую сторону портьеры тебя ослепляет яркий свет.

Правда или расплата *Конкорд, Массачусетс, сентябрь 1897 г.*

Они сидят на ветвях старого дуба, залитого лучами полуденного солнца, все пятеро. На самой верхней ветке – Каролина, потому что она всегда залезает выше всех. Прямо под ней угнездилась ее лучшая подруга Милли. Братья Маккензи, бросающие в белок желудями, примостились еще ниже, но все равно довольно высоко. Сам он всегда садится на нижние ветки. Не потому что боится высоты, а просто такова иерархия в их маленькой компании. Хорошо еще, что они вообще допустили его до игры. В этом смысле то, что он младший брат Каролины, одновременно и удача, и проклятие. Даже когда они изредка позволяют Бейли с ними поиграть, он должен знать свое место.

– Правда или расплата, – объявляет Каролина сверху. Когда ей никто не отвечает, она бросает желудь прямо в голову младшему брату.

– Правда. Или. Расплата. Бейли, – повторяет она.

Бейли, не снимая кепки, потирает голову. Возможно, брошенный желудь заставляет его решиться. Скажешь «правда» – и ты сдался на милость Каролине с ее издевательской фантазией. «Расплата» немногим лучше, но все-таки от него хоть что-то будет зависеть. Пусть он идет у нее на поводу, зато не выглядит трусом.

Да, он сделал правильный выбор. Когда Каролина задумывается, прежде чем ответить, он даже немного горд собой. Сестра сидит на ветке метрах в пяти над его головой. Она покачивает ногой, озирая распростертые вокруг поля, и придумывает для него расплату. Братья Маккензи продолжают издеваться над белками. Наконец лицо Каролины озаряет улыбка, и она откашливается, прежде чем объявить задание.

– Расплата Бейли, – провозглашает она.

То, что она загадала, поручается ему, только ему. Волна страха накатывает на него еще до того, как она сообщает, в чем именно состоит расплата. Театрально выдержав паузу, она объявляет:

– Бейли должен тайком проникнуть в Ночной Цирк.

Милли ахает. Братья Маккензи прекращают кидаться желудями и, запрокинув головы, глядят на нее. До белок им больше нет дела. Каролина сверху смотрит на Бейли, расплывшись в широченной улыбке.

– И принеси нам что-нибудь в доказательство, что ты был там, – продолжает она с нескрываемым триумфом в голосе.

Задание невыполнимое, и каждый из них это знает.

Бейли бросает взгляд на другой конец поля, где шатры цирка возвышаются, словно горы посреди долины. Днем цирк замирает: не сверкают огни, не играет музыка, не бродят толпы людей. Это просто горстка полосатых шатров, которые в полуденном солнце кажутся не черно-белыми, а скорее серо-желтыми. Цирк выглядит странно, даже капельку таинственно, но ничего такого в нем нет. По крайней мере, середь бела дня. Не так уж и страшно, проносится в голове у Бейли.

– Я согласен, – заявляет он. Спрыгнув со своей нижней ветки, он пускается в путь через поле, не дожидаясь реакции остальных и не желая, чтобы Каролина отменила его расплату. Она же наверняка ждала, что он откажется. Мимо его уха со свистом пролетает желудь, но больше ничего не происходит.

Бейли сам толком не понимает, что им движет, но он довольно решительно шагает в сторону цирка.

Все выглядит в точности так же, как в тот раз, когда он увидел цирк впервые. Ему еще не было шести.

Тогда цирк появился на этом же месте, и сейчас кажется, будто он никуда и не уезжал. Словно на протяжении пяти лет, пока поле пустовало, он просто был невидимым.

В прошлый раз его, почти шестилетку, в цирк не пустили. Родители посчитали его слишком маленьким для таких развлечений, так что ему осталось только зачарованно глазеть изда-лека на шатры и сверкающие огни.

Он надеялся, что цирк задержится до тех пор, пока он не подрастет, но спустя две недели шатры пропали без предупреждения, оставив в сердце слишком маленького Бейли незаживающую рану.

И вот цирк снова здесь.

Он появился всего пару дней тому назад, и все разговоры только об этом. Пройди с момента его появления больше времени, и Каролина наверняка придумала бы другое задание, но появление цирка – главное событие последних дней, а Каролина любит, чтобы ее задания были, как говорится, на злобу дня.

Первое настоящее знакомство Бейли с цирком произошло накануне вечером.

Ничего подобного ему раньше видеть не приходилось. Иллюминация, костюмы – все было другим. Как будто он каким-то чудом вырвался из повседневной жизни и попал в совершенно иной мир.

Он думал, что его ждет представление. Что он сядет в кресло и будет смотреть.

Он сразу понял, что ошибся.

Цирк – это нечто, что нужно исследовать.

И он исследовал все, что только можно, хотя совершенно не был к этому готов. Он не знал, какой из множества шатров ему выбрать, его глаза разбегались от калейдоскопа вывесок, рассказывающих о том, что ждет внутри. И за каждым изгибом черно-белой тропинки его взору открывались новые шатры, новые вывески, новые тайны.

Он наткнулся на шатер, где выступали акробаты, и долго смотрел, запрокинув голову, как они крутят сальто и тулупы, пока не заболела шея. Он побродил по шатру, уставленному зеркалами, из которых на него широко распахнутыми глазами из-под серой кепки тарасились сотни и тысячи его отражений.

Даже угощение было невероятным. Яблоки в такой темной карамели, что снаружи казались почти черными, оставаясь при этом внутри свежими и хрустящими. Шоколадные летучие мыши с тонкими до невозможности крыльями. Самый вкусный сидр из тех, что Бейли когда-либо доводилось пробовать.

Там все было волшебным. Волшебным и бесконечным. Ни одна дорожка не приводила в тупик, они извивались, сливались с другими или же поворачивали обратно к главной площади.

Впоследствии у него не нашлось слов, чтобы описать увиденное. Он смог лишь кивнуть, когда мама спросила, понравилось ли ему.

Они ушли раньше, чем ему хотелось. Бейли был готов остаться на всю ночь, если бы родители разрешили; там еще оставалось так много необследованных шатров.

Но всего через несколько часов его увели и отправили домой спать, подкупив обещанием вернуться в следующие выходные, хотя его безмерно тревожили воспоминания о неожиданном исчезновении цирка в прошлый раз. Стоило ему выйти за ворота, как в груди защемило от желания пойти обратно.

Теперь Бейли гадает, не эта ли жажда поскорее вновь оказаться в цирке отчасти заставила его принять вызов.

Около десяти минут у него уходит на то, чтобы пересечь поле, и с каждым шагом, приближающим его к цели, шатры становятся все больше и таинственнее, а его решимость тает.

Он уже начинает раздумывать, что бы такое принести в качестве доказательства, не заходя внутрь, когда наконец оказывается перед воротами.

Ворота высокие, примерно втрое выше его роста. Буквы *Le Cirque des Rêves* наверху почти неразличимы при свете дня, хотя каждая размером с большую тыкву. Металлические вензеля, которыми украшены буквы, напоминают ему тыквенную лозу. Ворота заперты на висячий замок необычной конструкции. Изыщная надпись на табличке гласит: «Открываемся после заката, закрываемся на рассвете». А чуть ниже, обычным шрифтом: «Несанкционированное проникновение карается гильотиной».

Бейли не знает, что значит «гильотина», но ему совсем не нравится, как звучит это слово. При дневном свете цирк кажется странным. Тут слишком тихо. Не слышно ни музыки, ни других звуков. Только пение птиц и шелест листьев обступившего поле леса. Кажется, что внутри нет ни души, словно все исчезли, оставив его здесь. Зато запах тот же, что и ночью, только слабее: карамели, попкорна и дыма от факела.

Обернувшись, Бейли бросает взгляд через поле. Остальные все еще сидят на дереве, хотя издали их фигурки кажутся совсем крошечными. Несомненно, они наблюдают за ним, поэтому он решает обойти вокруг ограды. Он уже совсем не уверен, что по-прежнему хочет попасть внутрь, но, если он все же решится, ему не нужны свидетели.

Большая часть ограды за воротами вплотную примыкает к шатрам, так что пролезть нигде. Бейли продолжает обходить цирк вокруг.

Через несколько минут, когда дуб скрывается из виду, он доходит до части ограды, рядом с которой виден небольшой проход между шатрами, крошечная аллея, огибающая один из них и уводящая за угол. Отличное место, чтобы попытаться проникнуть внутрь.

Внезапно Бейли понимает, что он и впрямь хочет войти. Его толкает не только брошенный ему вызов, но и собственное любопытство. Отчаянное, жгучее любопытство. Кроме желания доказать что-то Каролине и ее шайке, кроме его любопытства, его влечет стремление вернуться в цирк.

Железные прутья толстые и гладкие, и Бейли даже не нужно пробовать, чтобы понять, что вскарабкаться по ним не получится. Во-первых, резные завитушки, на которые можно поставить ногу, заканчиваются на высоте метров полутора, а во-вторых, на самом верху выполненные в форме копий прутья ограды заворачиваются наружу. Не то чтобы они выглядели как-то особенно устрашающе, но напороться на них будет не слишком приятно.

Впрочем, ограда явно не была рассчитана на то, чтобы не дать проходу маленьким десятилетним мальчикам: прутья, пусть и весьма прочные, отстоят друг от друга сантиметром на тридцать. Бейли, с его тщедушной комплекцией, мог бы протиснуться между ними без особого труда.

Он замирает в нерешительности лишь на мгновение, понимая, что, если хотя бы не попытается, никогда себе не простит, – и плевать, что ему за это будет.

Он думал, что, оказавшись внутри, сразу почувствует себя в ином мире, как это было ночью. Однако, протиснувшись через решетку и очутившись в проходе между шатрами, он ощущает себя точно так же, как ощущал снаружи. Если волшебство и при дневном свете все еще царит в цирке, то он этого волшебства не чувствует.

Кажется, в цирке нет ни души: ни работников, ни артистов.

Внутри все тихо, Бейли даже перестает слышать пение птиц. Листья, шуршавшие у него под ногами по ту сторону ограды, остались снаружи, хотя расстояние между прутьями вполне позволяет легкому ветерку перенести их внутрь.

Бейли недоумевает, в какую сторону податься и что можно принести в доказательство, что он выполнил задание. Взять здесь нечего – вокруг только голая земля и полосатые стены шатров. Днем они неожиданно оказываются довольно старыми и потертыми, и Бейли гадает, как долго уже цирк колесит по свету и куда он отправится после этих гастролей. Ему кажется, что цирк должен путешествовать на поезде, но на ближайшей станции никаких цирковых поез-

дов не появлялось и, насколько ему известно, никто вообще никогда его не видел – ни прибывающим, ни отъезжающим.

Дойдя до конца аллеи, Бейли сворачивает направо и оказывается перед чередой шатров; возле входа в каждый имеется вывеска, рассказывающая о том, что ждет посетителя внутри. «Полет фантазии», – гласит одна из них, а другая: «Воздушные загадки». Мимо вывески «Страшные чудовища и неведомые звери» Бейли крадется, затаив дыхание, но изнутри не доносится ни звука. Ему по-прежнему не встречается ничего, что он мог бы забрать с собой, поскольку красть вывеску ему не хочется, а помимо этого на глаза попадают только обрывки бумаги и раздавленные хлопья попкорна.

В лучах вечернего солнца на высохшую землю ложатся длинные тени от шатров. Дорожки то ли выкрашены, то ли присыпаны белым песком в одних местах и черным в других. После того как по ним прошли сотни пар ног, земля буквально вспахана, и наружу проглядывает ее обычный коричневый цвет. Видимо, им приходится подкрашивать ее каждую ночь, думает Бейли, сворачивая за угол, и, поскольку его взгляд по-прежнему устремлен на дорожку под ногами, чуть не сталкивается с девочкой.

Она стоит в проходе между шатрами – просто стоит, как будто ждет его. На вид она примерно его ровесница; то, что на ней надето, может быть только сценическим костюмом, ибо обычным этот наряд точно не назовешь. Белые сапожки с множеством застежек, белые чулки и белое платье, сшитое из самых разнообразных лоскутков: кусочков кружева, шелка и ситца. Поверх платья накинут короткий белый пиджак военного покроя, на руках – белые перчатки. Вся она, от шеи до кончиков пальцев, одета в белое, и от этого ее огненно-рыжие волосы пылают еще ярче.

– Тебя не должно здесь быть, – тихо говорит рыжеволосая девочка.

В ее голосе не слышно не то что упрека, даже удивления. Бейли какое-то время просто тарачится на нее, не в силах вымолвить ни слова.

– Я... ну... я знаю, – выдавливает он наконец, и ему кажется, что сложно было сказать что-либо глупее, но девочка никак не реагирует и просто смотрит на него.

– Простите, что? – продолжает он, и это звучит еще глупее.

– Пожалуй, тебе стоит уйти, пока ты не попался на глаза кому-нибудь другому, – говорит девочка, оглядываясь назад, но Бейли не знает, что она думала там увидеть. – Как ты вошел?

– Там, через... э-э-э... – Бейли крутит головой во все стороны, но не может понять, каким путем он пришел сюда: дорожка делает изгиб, и ему не видно ни одной вывески, мимо которых он проходил.

– Я точно не помню, – признается он.

– Ничего страшного, идем со мной.

Ее пальцы в белой перчатке обхватывают его руку, и девочка тянет Бейли за собой в один из проходов. Они молча идут мимо шатров, но, дойдя до угла, она останавливается, и с минуту они стоят, не двигаясь. Когда он открывает было рот, чтобы спросить, чего они ждут, она только прижимает палец к губам, призывая его не шуметь, а спустя несколько секунд они продолжают путь.

– Ты можешь пролезть через решетку? – спрашивает девочка, и Бейли утвердительно кивает.

Возле одного из шатров она резко сворачивает в узкий проход, которого Бейли сперва даже не заметил, и они неожиданно оказываются прямо перед решеткой, за которой простирается поле.

– Можешь выбраться здесь, – говорит девочка. – Все будет в порядке.

Она помогает Бейли протиснуться между прутьями, в этой части решетки расположенными несколько теснее. Оказавшись по ту сторону, он оборачивается к ней.

– Спасибо, – говорит он, ему в голову не приходит ничего другого.

– Пожалуйста, – отвечает девочка. – Но тебе следует быть осторожнее. Сюда нельзя входить днем, это считается несанкционированным проникновением.

– Знаю, да. Виноват, – извиняется Бейли. – Что такое гильотина?

Девочка расплывается в улыбке.

– Это штука для отрубания головы, – объясняет она. – Но они, по-моему, больше это не практикуют.

Развернувшись, она направляется прочь.

– Подожди, – окликает ее Бейли, хотя сам не знает зачем.

Девочка возвращается к решетке. Она ничего не говорит, просто ждет, чтобы он заговорил.

– Мне... Я должен что-то принести отсюда, – признается он и тут же жалеет о своих словах.

Брови девочки, глядящей на него сквозь прутья решетки, сдвигаются к переносице.

– Принести что-то отсюда? – переспрашивает она.

– Ну да, – не смея поднять глаза, Бейли таращится то на свои потертые коричневые ботинки, то на ее белые сапожки по ту сторону ограды.

– Это же моя расплата, – добавляет он в надежде, что она поймет, в чем дело.

Девочка улыбается. Пару секунд она раздумывает о чем-то, прикусив губу, а затем снимает одну из белых перчаток и протягивает ему сквозь решетку. Бейли в нерешительности переминается с ноги на ногу.

– Все в порядке, бери, – говорит она. – У меня их целый ящик.

Бейли дотягивается до перчатки и прячет ее в карман.

– Спасибо, – повторяет он снова.

– Не за что, Бейли, – отвечает девочка, на этот раз, когда она поворачивается, он ничего ей не говорит, глядя, как она исчезает за полосатым углом шатра.

Бейли долго стоит в задумчивости, прежде чем пуститься в обратный путь через поле. Когда он появляется возле дуба, там уже никого нет, только желуди рассыпаны по земле. Солнце клонится к закату.

Лишь на полпути к дому его осеняет, что он не говорил девочке, как его зовут.

Тайные союзники *Лондон, февраль 1885 г.*

Полночные трапезы в доме Лефевров вошли в традицию.

Вообще это была шальная идея, пришедшая Чандрешу в голову из-за хронической бессонницы и поздних возвращений домой после всех театральных дел. Не последнюю роль сыграла и его извечная нелюбовь к общепринятым правилам этикета. Из всех мест, где можно поужинать в позднее время, ни одно не удовлетворяло его капризному вкусу.

Поэтому он сам начал устраивать изысканные ужины, с несколькими переменами блюд, первое из которых подается в полночь. Всегда ровно в полночь, с первым ударом часов, доставшихся ему от деда, тарелки появляются на столе. Этот элемент церемониальности нравится Чандрешу. Первые Полночные трапезы были немногочисленными, только для близких друзей и коллег. Со временем они начали проводиться чаще, стали более экстравагантными и в конце концов превратились в своего рода развлечение для избранных. В определенных кругах приглашение на Полночную трапезу ценится очень высоко.

А получить такое приглашение может далеко не каждый. Временами на ужин собирается по тридцать и более гостей, а временами не больше пяти. Чаще всего приходит от двенадцати до пятнадцати человек. Но независимо от количества гостей кухня неизменно изысканная.

Чандреш никогда не предупреждает, что будут подавать. На мероприятиях такого рода – если бы только в мире существовали мероприятия, хоть сколько-нибудь напоминающие Полночные трапезы, – должны бы подаваться меню с подробными описаниями каждого блюда или хотя бы перечнем их диковинных названий.

Но Полночные трапезы изначально овеяны ореолом тайны, и Чандреш находит, что отсутствие меню – путеводителя в придуманном им гастрономическом путешествии – лишь добавляет остроты ощущений. Одно за другим блюда сменяют друг друга на столе: в одних сразу безошибочно угадывается кролик или ягненок, запеченный в яблоках, или поданный на банановых листьях, или же с вишней, вымоченной в коньяке. Другие блюда отличаются большей загадочностью, их вкус может быть завуалирован сладким или острым соусом, мясо неизвестного происхождения прячется под кляром или глазурью.

Если гостю приходит в голову поинтересоваться, из чего приготовлено блюдо, каковы ингредиенты закуски или соуса, чем достигается тот или иной оттенок вкуса (поскольку даже самые отъявленные гурманы не могут различить их все до единого), ему придется довольствоваться туманными отговорками.

Чандреш, как правило, отвечает, что вся рецептура разрабатывается поварами, и он не вправе разглашать их секреты. Любопытный гость вежливо замечает, что блюдо, из чего бы оно ни было приготовлено, совершенно восхитительно, и вновь сосредоточивается на содержимом тарелки. Смакуя каждый кусочек, он продолжает недоумевать, что же все-таки придает блюду такой привкус.

Беседы на этих ужинах преимущественно ведутся лишь во время перемены блюд.

Положа руку на сердце, Чандреш и сам предпочитает не знать всех нюансов рецептуры, не понимать тонкостей. Он утверждает, что подобная неосведомленность позволяет каждому блюду жить своей жизнью, превращает его в нечто большее, нежели совокупность ингредиентов.

(«Ну да, – воскликнул один из гостей, когда об этом в очередной раз зашла речь, – если шестеренки в часах скрыты за циферблатом, легче разглядеть, который час».)

Десерты неизменно вызывают трепет. Мороженое в шоколадной или карамельной глазури, клубника со сливками и ликером. Многослойные торты немислимой высоты, пирожные из невероятно воздушного теста. Финики в меду, леденцы в форме цветов и бабочек. Подчас

гости сокрушаются, что сладости слишком красивы, чтобы их есть, но в конце концов всегда себя пересиливают.

Чандреш никогда не говорит, кто именно для него готовит. Ходили даже слухи, что самых гениальных кулинаров мира он похитил и держит взаперти на кухне, где их мыслимыми и немислимыми способами заставляют исполнять любую его прихоть. Выказывалось также предположение, что всю еду готовят не у него в доме, а заказывают из лучших лондонских ресторанов, которым щедро доплачивают за работу в ночные часы. Впрочем, подобные предположения неизменно приводят к бурным спорам о том, как горячее остается горячим, а холодное холодным. В результате спорщики лишь с утроенным рвением набрасываются на угощение. А оно всегда отменное, и не важно, откуда оно появляется.

Обеденный зал (или залы, в зависимости от размаха вечеринки) украшен так же необычно, как и весь дом, изобилуя красными и золотыми тонами, предметами искусства и диковинками, собранными со всего света и расставленными везде, где только можно. Все это великолепие освещает множество свечей под хрустальными плафонами, благодаря которым свет не слепит, но переливается и падает мягко.

Часто трапезы сопровождаются каким-либо увеселением: на них выступают танцовщицы, фокусники, музыканты. Вечеринки в тесном кругу, как правило, проходят под музыку в исполнении личной пианистки Чандреша, юной красавицы, которая играет всю ночь без перерыва, ни разу не обмолвившись словом ни с кем из гостей.

С одной стороны, эти званые ужины такие же, как все прочие, но особый дух, царящий на них, и ночные часы, в которые они проводятся, делают их не похожими ни на что другое. У Чандреша врожденный вкус ко всему необычному, вызывающему любопытство. Он понимает, как важно создать правильную атмосферу.

В этот вечер Полночная трапеза устраивается для весьма ограниченного круга лиц: приглашено лишь пятеро гостей. И сегодняшний прием задуман не только как развлечение.

Первой, не считая пианистки, уже извлекающей из рояля чарующие звуки, появляется мадам Ана Падва, в прошлом прима-балерина из Румынии, близкая подруга матери Чандреша. С раннего детства он называл ее тетушкой Падва и продолжает звать так по сей день. Эта статная женщина, несмотря на преклонный возраст, не утратившая грации танцовщицы, обладает непревзойденным чувством стиля. Именно ради чувства стиля ее и пригласили на этот ужин. Она одержима стремлением к красоте во всем, прекрасно разбирается в моде, и этот редкий и достойный восхищения дар обеспечивает ее неплохим доходом с тех самых пор, как она ушла со сцены.

В том, что касается одежды, она настоящая кудесница, утверждают газеты. Она творит чудеса. Мадам Падва не обращает на эти восторженные отзывы никакого внимания, хотя порой шутит, что при помощи изрядного количества шелка и жесткого корсета могла бы сделать из Чандреша очаровательную модницу, в которой никто не заподозрил бы мужчину.

Сегодня мадам Падва облачена в черное шелковое платье, вручную расшитое цветками вишни. Нечто вроде кимоно, превращенное в вечерний наряд. Седые волосы собраны на затылке в тугий узел под черной сеточкой, украшенной драгоценными камнями. Шею обвивает нитка превосходно ограненных рубинов, и кажется, что горло перерезано ножом. Все вместе создает эффект немного мрачной, но безукоризненной элегантности.

Вторым появляется господин Итан Баррис, довольно известный инженер и архитектор. Он выглядит так, словно по ошибке забрел не в тот дом. Застенчивый, в очках в серебряной оправе, с редкими волосами, аккуратно зачесанными набок, чтобы скрыть этот неприятный факт, Баррис куда уместнее выглядел бы в какой-нибудь конторе или в банке. До этого дня он встречался с Чандрешем лишь однажды, на конференции по вопросам архитектуры Древней Греции. Приглашение на ужин явилось для него полнейшей неожиданностью; господин Баррис не из тех людей, что привыкли получать приглашения на столь поздние приемы, да и

на приемы вообще, но он решил, что отказаться будет слишком невежливо. Кроме того, ему давно хотелось взглянуть на особняк Лефевров, прославивший легендой среди его коллег, занимающихся интерьерами.

Переступив порог дома, он сам не замечает, как у него в руке появляется бокал шампанского, а сам он уже обменивается любезностями с бывшей примой. Отметив про себя, что, пожалуй, эти поздние приемы могут быть довольно приятными, он решает, что нужно постараться бывать на них почаще.

Сестры Берджес приходят вместе. Тара и Лейни занимаются всем понемногу. То они танцовщицы, то актрисы. Как-то им довелось даже поработать в библиотеке, но на эту тему они готовы распространяться, только будучи изрядно навеселе. В последнее время они консультируют за деньги. По всем вопросам. Они дают советы в любых областях: от личных неурядиц и финансовых проблем до того, куда поехать отдыхать или как подобрать туфли. Их секрет (и это они тоже обсуждают только в состоянии особого подпития) – в исключительной наблюдательности. Они подмечают любую мелочь, любую незначительную деталь. И если даже что-то ускользает от внимания Тары, от Лейни это не укроется, и наоборот.

Они считают, что решать проблемы других людей, ограничиваясь советами, гораздо приятнее, чем на деле вмешиваться в их жизнь. Это приносит большее удовлетворение от работы, утверждают они.

Сестры очень похожи; с одинаково уложенными каштановыми волосами и большими карими глазами, они выглядят моложе своего возраста. Впрочем, они ни за что не признаются, сколько им лет и кто из них старше, а кто младше. На вечер они оделись по последней моде. Их платья не совсем одинаковые, но прекрасно дополняют и выгодно оттеняют друг друга.

Мадам Падва приветствует их с заученной прохладцей, которая всегда припасена у нее для таких юных красоток, но быстро оттаивает, выслушав их восторги по поводу ее прически, украшений и платья. Господин Баррис очарован обеими, хотя, быть может, все дело в шампанском. Ему довольно трудно разобрать их шотландский акцент, если только они вообще шотландки. Он в этом не до конца уверен.

Последний гость появляется незадолго до начала собственно ужина, когда остальные начинают занимать места за столом, а бокалы наполняются вином. Это высокий мужчина неопределенного возраста с незапоминающимися чертами лица, одетый в безукоризненный серый фрак. Появившись на пороге, он оставляет дворецкому трость и цилиндр, а также визитную карточку, на которой написано: «Господин А. Х». Садясь за стол, он вежливо склоняет голову в знак приветствия, но не произносит ни слова.

В этот момент к гостям выходит Чандреш в сопровождении своего секретаря Марко – красивого молодого человека с ярко-зелеными глазами, который моментально становится объектом внимания обеих сестер Берджес.

– Как вы уже, наверное, догадались, – начинает Чандреш, – я пригласил вас всех не случайно. Впрочем, поскольку речь пойдет о деле, а я считаю, что дела лучше обсуждать не на пустой желудок, мы займемся этим после десерта.

Он кивает одному из слуг, и, когда часы в гостиной начинают отсчитывать двенадцать ударов, наполняя дом гулким дрожащим эхом, на стол подают первое блюдо.

Во время ужина беседа течет так же легко и приятно, как вино. Дамы словоохотливее кавалеров. Человек в сером костюме и вовсе ограничивается парой слов. И хотя мало кто из них встречался друг с другом раньше, когда приходит время десерта, со стороны вполне может показаться, что все они знакомы уже сто лет.

Когда с десертом покончено и часы готовятся пробить два часа ночи, Чандреш поднимается и откашливается.

– А теперь нижайше прошу всех пройти ко мне в кабинет. Туда будут поданы кофе и бренди, и мы сможем перейти к обсуждению деловых вопросов, – объявляет он.

По его знаку Марко бесшумно выскальзывает из зала, чтобы в скором времени вновь присоединиться к ним в кабинете со стопкой блокнотов и рулонами бумаги под мышкой. Слуги разносят обещанные кофе и бренди, а гости устраиваются на диванах и креслах перед камином, в котором весело потрескивают поленья. Закурив сигару, Чандреш начинает объяснять суть своей идеи. Время от времени он на мгновение замолкает, чтобы выпустить изо рта облако табачного дыма.

– Я собрал вас таким составом, потому что начинаю новый проект. Возможно, вы посчитаете его дерзким. Я надеюсь, что его дерзость не отпугнет вас, потому что в своей области каждый из присутствующих мог бы оказать проекту неоценимую пользу. Ваш вклад, безусловно добровольный, будет оценен по достоинству и весьма хорошо оплачен, – говорит он.

– Чандреш, мальчик мой! Хватит ходить вокруг да около. Посвяти нас в свою новую затею, – мурлыкает мадам Падва, играя бокалом бренди. – Некоторые из нас не молодеют.

У одной из сестер Берджес вырывается смешок.

– Конечно, тетушка Падва, – отвечает ей поклон Чандреш. – Моя новая затея, как вы метко изволили выразиться, – это цирк.

– Цирк? – с улыбкой переспрашивает Лейни Берджес. – Какая прелесть!

– Что-то вроде шапито? – несколько растерянно уточняет господин Баррис.

– Нечто большее, чем шапито, – отвечает Чандреш. – Не просто цирк, а цирк, подобного которому не было никогда. Не один большой шатер, а целая плеяда шатров, и в каждом свое представление. Никаких слонов или клоунов. Нет, нечто более изысканное. Ничего привычного. Это будет что-то особенное, абсолютно новое, уникальное. Наслаждение для всех органов чувств. Театр развлечений. Мы разрушим все представления, все стереотипы о том, что есть цирк, и сотворим нечто новое, абсолютно новое.

По его сигналу Марко расстилает на столе принесенные им листы, расставляя по углам прессы для бумаги и разнообразные диковинки (обезьяний череп, бабочку в куске стекла).

Главным образом это какие-то схемы и наброски с краткими примечаниями на полях. Просто обрывочные идеи: кольцо шатров, главная аллея. По краям листа в два столбца – перечень развлечений, которые можно организовать; некоторые обведены в кружок, некоторые вычеркнуты. Прорицательница. Акробаты. Иллюзионист. Человек-змея. Танцоры. Глотатели огня.

Чандреш продолжает рассказывать, а сестры Берджес и Баррис, склонившись над планами, читают заметки на полях. Мадам Падва с блуждающей улыбкой потягивает бренди, уютно устроившись в кресле. Господин А. Х _____ сидит неподвижно, выражение его лица по-прежнему непроницаемо.

– Пока это всего лишь идея. Именно поэтому я и собрал вас сегодня: чтобы вы с самого начала участвовали в ее развитии и воплощении. Мне нужен самый изысканный стиль. Самые невероятные достижения инженерной мысли. Я хочу создать нечто волшебное, фантастическое, с налетом тайны. И я уверен, что вы – те самые люди, благодаря которым это станет возможным. Если кто-то из вас не пожелает принять участие в данном проекте, я не могу вас долее задерживать, однако убедительно прошу никому об этом не рассказывать. Я хочу сохранить свои намерения в строжайшей тайне – по крайней мере, до поры до времени. В конце концов, я имею право быть щепетильным в подобных вопросах.

Он глубоко затягивается и, неторопливо выпустив струйку дыма, завершает свою речь:

– Если мы все сделаем как надо, этот проект, вне всякого сомнения, заживет собственной жизнью.

Никто не произносит ни слова, когда он замолкает. Слышно лишь легкое потрескивание поленьев в камине, гости же молча переглядываются, не зная, кто первый заговорит.

– Можно мне карандаш? – спрашивает господин Баррис.

Марко протягивает ему карандаш, и Баррис начинает рисовать, постепенно превращая весьма примитивный план цирка в сложный и подробный чертеж.

Гости Чандреша не уходят до самого утра, и когда они в конце концов покидают дом, объем схем, планов и примечаний увеличивается втрое. Весь кабинет завален листками бумаги, словно картами для поиска неизвестного сокровища.

Соболезнования *Нью-Йорк, март 1885 г.*

Заметка в газете гласит, что Гектор Боуэн, более известный под именем чародея Просперо, любимец публики, кудесник сцены, скончался от сердечного приступа у себя дома 15 марта.

В заметке коротко написано о его деятельности и оставленном им наследии. Возраст указан неверно, но лишь немногие читатели обращают внимание на этот факт. В самом конце некролога упоминается, что у него осталась семнадцатилетняя дочь, мисс Селия Боуэн. На сей раз возраст указан довольно точно. Также сказано, что похороны будут закрытыми, только для близких, а соболезнования можно послать на адрес одного из местных театров.

Там телеграммы и письма собирают, упаковывают в пакеты и отправляют с посыльным в резиденцию Боуэнов – частный дом, и без того заваленный мрачными, сообразно поводу, букетами. Когда Селия не может больше выносить удушающего аромата лилий, она превращает все цветы в розы.

Селия складывает соболезнования на обеденном столе, до тех пор пока они не начинают с него падать. Ей не хочется разбираться с корреспонденцией, но и заставить себя выбросить эти письма, не читая, она не может.

Когда откладывать эту повинность дольше уже невозможно, она заваривает себе чаю и начинает сортировать горы конвертов. Она вскрывает их один за другим и раскладывает по разным стопкам.

На конвертах марки со всех уголков земного шара. Одни письма длинные, написанные от души, и в них сквозит неподдельная горечь утраты. В других лишь дежурные пожелания держаться и пара слов восхищения талантом ее отца. Часто авторы признаются, что не знали, что у Просперо есть дочь. Однако другие хорошо помнят ее очаровательной малышкой, хотя самой Селии уже не верится, что она когда-то ею была. Ряд писем шокирует содержащимися в них предложениями руки и сердца.

Эти письма Селия, скомкав, одно за другим кладет на раскрытую ладонь и в буквальном смысле испепеляет взглядом, так что они, вспыхнув, рассыпаются пеплом, который она тут же сдувает, развеивая по ветру.

– Я уже обручена, – сообщает она в пустоту, теребя на пальце правой руки кольцо, которое прикрывает давний шрам.

Среди телеграмм и писем ей попадает невзрачный серый конверт.

Селия берет его из стопки и, вскрыв серебряным ножом для бумаги, уже готовится бросить в кучу прочитанных.

Однако конверт, в отличие от всех прочих, адресован отцу, хотя штемпель проставлен уже после его смерти. В найденной внутри записке нет ни слов утешения, ни соболезнований ее утрате.

Не содержит она и приветствия. Под ней нет подписи. Лишь от руки написанные два слова: «Твой ход». И больше ничего.

Селия переворачивает листок, но обратная сторона пуста. Отсутствует даже метка магазина, где была куплена открытка. На конверте нет обратного адреса.

Она несколько раз перечитывает эти два слова на серой бумаге.

Ее охватывает дрожь, но она не знает, вызвано это волнением или страхом.

Забыв о недочитанных соболезнованиях, Селия выходит из комнаты с открыткой в руке и поднимается по винтовой лестнице, ведущей в кабинет на втором этаже. Она достает из

кармана связку ключей и нетерпеливой рукой отпирает три замка, чтобы войти в комнату, залитую ярким светом вечернего солнца.

– Что это значит? – спрашивает Селия, входя в комнату и протягивая вперед открытку.

Сгорбившаяся у окна фигура оборачивается. Когда на мужчину падает солнечный свет, он становится практически невидимым. Часть руки отсутствует вовсе, затылок сливается с облаком пыли, выхваченной из темноты солнечным лучом. Весь силуэт прозрачен, словно отражение в стекле.

Тень Гектора Боуэна читает записку и заливается счастливым смехом.

Татуировка девушки-змеи *Лондон, сентябрь 1885 г.*

Приблизительно раз в месяц проводятся не совсем регулярные Полночные трапезы, которые сами гости все чаще называют Цирковыми. Это не то светские приемы, не то деловые встречи в ночи.

Мадам Падва неизменно присутствует в числе гостей, как и сестры Берджес (или хотя бы одна из них). Господин Баррис старается бывать, но ему не всегда позволяет рабочий график, поскольку приходится много путешествовать, и он не столь легко распоряжается своим временем, как ему бы того хотелось.

Господин А. Х появляется исключительно редко.

Тара замечает, что их совещания проходят гораздо продуктивнее, когда он присутствует, хотя он крайне редко высказывает свои предложения относительно устройства цирка.

В один из вечеров в кабинете собираются только дамы.

– Где у нас нынче господин Баррис? – интересуется мадам Падва, увидев, что сестры Берджес пришли одни, в то время как обычно он их сопровождает.

– В Германии, – хором откликаются Тара и Лейни, чем вызывают смех Чандреша, спешащего вручить им по бокалу вина.

– Он охотится на часовщика, – продолжает Лейни уже в одиночку. – Хочет заказать часы для цирка. Перед отъездом он только об этом и говорил.

На этот вечер не было запланировано никаких увеселений, даже ставшей приятной обыденностью игры на фортепиано, однако в какой-то момент на пороге дома появляется незваная гостья.

Она представляется как Тсукико, не уточняя, имя это или фамилия.

Она довольно миниатюрная, но хрупкой не выглядит. Длинные черные как смоль волосы заплетены в косы и изящно уложены вокруг головы. Черный плащ ей несколько великоват, но она держит себя с таким достоинством, что он, даже повиснув у нее на плечах, выглядит довольно элегантно.

Она терпеливо ждет в прихожей, прогуливаясь возле позолоченной статуи с головой слона, пока Марко пытается объяснить сложившуюся ситуацию Чандрешу. В конечном счете это приводит к тому, что вся честная компания выскакивает в коридор, чтобы своими глазами взглянуть, в чем дело.

– Что привело вас сюда в столь поздний час? – озадаченно обращается к девушке Чандреш.

В особняке Лефевров случались и более странные события, чем появление незваного артиста. Да и пианистка порой присылала кого-то себе на замену, если бывала занята и не могла присутствовать сама.

– Я всегда была поздней пташкой, – только и говорит в ответ Тсукико, не вдаваясь в объяснения, что за каприз судьбы привел ее сюда в такое время, однако улыбка, которой она сопровождает свое загадочное заявление, открытая и заразительная.

Сестры Берджес умоляют Чандреша позволить ей остаться.

– Мы как раз собирались ужинать, – неуверенно сообщает Чандреш. – Но вы можете составить нам компанию в столовой и исполнить... то, что вы хотели исполнить.

Тсукико кивает, и на ее лице вновь появляется улыбка.

Пока гости один за другим скрываются в столовой, Марко подходит к ней, чтобы взять плащ, и замирает, озадаченный тем, что скрывалось под ним.

Она одета в просвечивающее платье, которое другие могли бы счесть неприличным, но у компании, собравшейся в доме, свои представления о приличиях. По большому счету это даже не платье, а полоска красного шелка, поддерживаемая тугим кружевным корсетом.

Впрочем, не столько откровенность наряда приковывает взгляд Марко, сколько татуировка у нее на теле.

С первого взгляда не сразу можно разобрать, что она изображает. Шею и плечи девушки обвивают черные символы и знаки, спереди заканчиваясь прямо над вырезом платья, а сзади скрываясь под кружевом корсета. Не представляется возможным судить, насколько далеко они идут.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что вытатуированные знаки – это поток алхимических и астрологических символов и формул, древние обозначения планет и химических элементов, черными чернилами наколотые у нее на коже. Ртуть. Свинец. Сурьма. У шейной впадинки – полумесяц, а над ключицей – египетский крест. Здесь есть самые разнообразные символы: скандинавские руны, китайские иероглифы. Мириады отдельных татуировок, которые сливаются в единый узор, изящно обвивающий ее тело подобно необычному драгоценному украшению.

Тсукико замечает пристальный взгляд Марко и, хотя он не задает вопросов, тихо объясняет:

– Это отчасти то, кем я была, кто я есть и кем буду.

Улыбнувшись, она направляется в гостиную, оставляя Марко в одиночестве, как раз в тот момент, когда часы начинают бить полночь и на стол подается первое блюдо.

Скинув туфли на пороге, она босиком проходит в комнату и останавливается возле рояля, где свет множества свечей в канделябрах и подсвечниках особенно ярок.

Какое-то время она просто стоит, спокойная и расслабленная, притянув к себе любопытные взгляды. С первым же ее движением все понимают, какова ее специальность.

Тсукико – девушка-змея.

Как правило, акробаты такого рода умеют складываться либо вперед, либо назад, в зависимости от особенностей строения позвоночника, и, соответственно, их выступления и трюки делятся по этому признаку. Однако Тсукико принадлежит к редкой категории артистов, которые одинаково хорошо гнутся в обоих направлениях.

Она движется с балетной грацией, которая достигается годами упорных тренировок. Мадам Падва сразу же отмечает эту особенность и шепотом сообщает о ней сестрам Берджес – еще до того, как Тсукико проявляет настоящие чудеса гибкости.

– Вы тоже так могли, когда были танцовщицей? – спрашивает Тара, глядя, как Тсукико невероятно высоко закидывает ногу за голову.

– Я была бы куда более востребована, если бы умела такое, – усмехается мадам Падва, качая головой.

Тсукико – настоящий виртуоз. Она безупречно выполняет эффектные трюки, замирает в невероятных позах и удерживает их ровно столько, сколько нужно. И, несмотря на то что ее тело постоянно закручивается в невообразимые спирали, так что даже со стороны на это больно смотреть, с ее лица не сходит безмятежная улыбка.

Ее немногочисленные зрители следят за выступлением, забыв и об ужине, и о разговорах.

Впоследствии Лейни признается сестре, что ей казалось, будто она слышит музыку, хотя на самом деле выступление проходило в полной тишине, нарушаемой лишь шуршанием шелка по девичьей коже и потрескиванием огня в камине.

– Это именно то, о чем я говорил, – наконец заявляет Чандреш, ударяя ладонью по столу и нарушая тем самым всеобщее молчание.

От неожиданности Тара роняет вилку, которую все выступление замороженно держала в руке, и едва успевает поймать ее в сантиметрах от тарелки с недоеденными устрицами в

винном соусе. Тсукико невозмутимо продолжает свой танец, но улыбка на ее лице становится заметно шире.

– Вот это? – поворачивается к Чандрешу мадам Падва.

– Это! – кивает он, указывая на Тсукико. – Именно такой дух должен царить в нашем цирке. Необычное, но захватывающе прекрасное. Провокационное до неприличия, но при этом элегантно. Сама судьба привела ее к нам. Нам нужна она и никто другой. Марко, пригласи даму к столу.

Для Тсукико приносят приборы, и она со смущенной улыбкой занимает место за общим столом.

Следующая за этим беседа скорее представляет собой творческую дискуссию, нежели обычное обсуждение контракта, неоднократно уходя в вопросы балета, современной моды и японской мифологии.

После пяти перемен блюд и множества бокалов вина Тсукико наконец позволяет уговорить себя и принимает предложение стать артисткой еще не существующего цирка.

– Вот и славно, – потирает руки Чандреш. – Итак, девушка-змея у нас уже есть. Начало положено.

– Разве нам достаточно ее одной? – сомневается Лейни. – Я думала, их будет целый шатер, так же много, как воздушных гимнастов.

– Ерунда, – возражает Чандреш. – Один безупречный бриллиант стоит куда дороже целой горсти сомнительных камушков. Она может выступать на отдельном постаменте, поставим его на главной площади или еще где-нибудь.

Дальнейшее обсуждение деталей решено отложить до лучших времен, так что за десертом и напитками они не обсуждают ничего, кроме общих вопросов, связанных с цирком.

Перед уходом Тсукико оставляет Марко визитку со своим адресом и в скором времени становится обязательной участницей всех Цирковых трапез, выступая, как правило, либо до, либо после ужина, чтобы гости не отвлекались от поглощения изысканных блюд.

Она становится любимицей Чандреша, и он часто приводит ее в пример, объясняя, каким должен быть их цирк.

Хорология Мюнхен, 1885 г.

На пороге мастерской господина Фридриха Тиссена в Мюнхене появляется неожиданный гость, некий англичанин по имени Итан Баррис. Мистер Баррис признается, что он ищет встречи с ним с тех самых пор, как увидел несколько часов с боем, вышедших из-под руки Тиссена, и был безмерно восхищен его искусством. Владелец местного магазина подсказал, как его найти.

Мистера Барриса интересует, не согласится ли герр Тиссен изготовить по его заказу часы. У герра Тиссена очень много текущей работы, о чем он незамедлительно сообщает Баррису, показывая рукой на полку, уставленную разнообразными часами, как самыми простыми, так и весьма затейливо устроенными.

– Боюсь, вы не вполне понимаете, о чем идет речь, герр Тиссен, – заявляет мистер Баррис. – Мне нужны особенные часы, объект восхищения. Ваши работы впечатляют, но часы, которые я рассчитываю получить, должны быть поистине выдающимися, *das Meisterwerk*². Финансовая сторона пусть вас не заботит.

Заинтригованный, герр Тиссен просит посвятить его в детали. Их немного. Есть ограничения по размеру (впрочем, довольно внушительному) и требование, чтобы часы были непременно черно-белыми. Допускается использование оттенков серого. В остальном же внутреннее устройство и внешний облик отдаются на откуп мастеру. На усмотрение художника, говорит мистер Баррис. Это должны быть фантастические часы, несколько раз подчеркивает он.

Герр Тиссен дает свое согласие, и мужчины обмениваются рукопожатием. Мистер Баррис обещает в скором времени связаться с часовщиком, и через несколько дней от него приходит конверт с внушительной суммой денег, указанием срока, когда часы должны быть готовы (через несколько месяцев), и лондонским адресом, по которому следует отправить заказ.

Эти месяцы герр Тиссен почти целиком посвящает работе над часами. Он лишь изредка отвлекается на другие дела, тем более что полученная им сумма вполне это позволяет. Неделя за неделей проходят в разработке механизма и внешнего вида будущих часов. Он нанимает помощника для изготовления деревянной основы, но всю тонкую работу делает сам. Герр Тиссен любит углубляться в детали, и ему нравятся сложные задачи. Весь внешний облик часов он строит на том единственном определении, услышанном от Барриса: «фантастические».

Готовые часы потрясают своим видом. На первый взгляд они обычные. Внушительного размера черные часы с белым циферблатом и серебряным маятником. Несомненно, весьма искусно сделанные, с тонкой резьбой по краям и идеальным покрытием на циферблате, но все же часы как часы.

Однако это лишь до тех пор, пока их не завели. Пока они не начали отсчитывать время, размеренно покачивая маятником. Тут-то и случается превращение.

Изменения происходят медленно. Сначала белый циферблат постепенно становится серым, потом появляются облака, они плывут по нему и тают, достигнув противоположного края.

Между тем части часов начинают отделяться, словно детали головоломки. Словно часы плавно и грациозно распадаются на кусочки.

На это уходит несколько часов.

Циферблат продолжает темнеть, пока не становится черным. Там, где только что были цифры, мерцают звезды. Корпус часов, который все это время будто выворачивался наизнанку

² Шедевр (нем.).

и значительно увеличился в размерах, теперь пестрит оттенками серого. И это не просто отдельные части, это фигуры и предметы, искусно вырезанные деревянные цветы, планеты и крошечные книги с трепещущими бумажными страницами. Серебряный дракон обвивает обнажившийся часовой механизм, в резной башне крошечная принцесса бродит из угла в угол в ожидании невидимого принца. Из чайников в чашки льется чай, и миниатюрные клубы пара поднимаются вверх с каждой секундой. Подарочные коробки, обернутые фольгой, начинают разворачиваться. Маленькие собачки гоняются за маленькими кошечками. Разыгрывается целая шахматная партия.

Из сердцевины, оттуда, где в обычных часах прячется кукушка, показывается жонглер. В костюме Арлекина, с закрытым серой маской лицом, он жонглирует блестящими серебряными шариками, число которых зависит от времени на циферблате. Ежечасно вместе с боем добавляется очередной шарик, и в полночь жонглер подбрасывает вверх все двенадцать шаров.

После полуночи часы начинают складываться обратно. Циферблат светлеет, снова появляются облака. Подбрасываемых шариков становится все меньше, а под конец жонглер и вовсе исчезает из виду.

К полудню это снова обычные часы, никакой фантастики.

Часы отправлены в Лондон, и спустя несколько недель Тиссен получает от мистера Барриса письмо с благодарностью за выполненную работу и словами искреннего восхищения его искусством. «Это само совершенство», – пишет он. К письму прилагается солидное вознаграждение. Получив такие деньги, Тиссен с легким сердцем может уйти на покой, если у него возникнет такое желание. Желания не возникает, и он продолжает трудиться в своей мастерской в Мюнхене.

Он больше не думает обо всей этой истории. Изредка у него пробегает мысль, как проживают его часы и где они могут быть. Он ошибочно полагает, что они по-прежнему в Лондоне. Как правило, эти мысли приходят в голову, когда он работает над созданием часов, напоминающих его *Wunschtraum*³ – именно так он называл свое творение в период работы над самыми сложными частями механизма, сам не зная, суждено ли его фантастическим идеям воплотиться в жизнь.

Кроме того единственного письма, других вестей от Барриса он не получает.

³ Мечта (нем.).

Зрители *Лондон, апрель 1886 г.*

В фойе театра собралась невиданная доселе толпа фокусников. Целый муравейник блестящих фраков и спрятанных в потайных карманах шелковых платков. Плащи и саквояжи, птичьи клетки и трости с серебряными набалдашниками. Они не ведут друг с другом бесед, в молчании ожидая своей очереди. Их вызывают одного за другим – не по имени или сценическому псевдониму, а по номеру, напечатанному на небольшом листке бумаги, который каждый получил по прибытии. Вместо того чтобы болтать о пустяках, сплетничать или обмениваться профессиональными хитростями, они ерзают на стульях, бросая подозрительные взгляды на девушку.

Едва прибыв, большинство приняли ее за чью-то ассистентку, но она ждет своей очереди, так же как остальные, зажав в руке листок с собственным номером (23).

При ней нет ни саквояжа, ни плаща, ни клетки, ни трости. Поверх темно-зеленого платья на ней надет доверху застегнутый черный пиджак с пышными рукавами. Копна темно-русых кудряшек заколота вверх под маленькой черной шляпкой, украшенной перьями, но в остальном более ничем не примечательной. Несмотря на то что она уже достаточно взрослая, в ее чертах есть что-то детское: не то длинные ресницы, не то легкая припухлость губ. Ее возраст трудно угадать, а спросить никто не решается. В общем, все называют ее девушкой – и сейчас, мысленно, и впоследствии, когда станут обсуждать случившееся друг с другом. На нее бросают косые взгляды, а кто-то и вовсе позволяет себе откровенно пялиться, но она не обращает на это внимания.

Молодой человек со списком в руках вызывает их одного за другим и сопровождает за позолоченную дверь. Один за другим они заходят, выходят и покидают театр. Некоторые остаются за дверью всего пару минут, другие задерживаются надолго. Те, до кого очередь еще не дошла, с тревогой ждут, когда же, наконец, человек со списком выйдет, чтобы назвать их номер.

Последний из фокусников, скрывшийся за золоченой дверью, огромный детина в цилиндре и развевающемся плаще, возвращается в фойе довольно быстро. Находясь в крайнем раздражении, он покидает театр, громко хлопнув дверью. Эхо все еще разносится под потолком, когда в фойе вновь появляется человек со списком и, рассеянно кивнув, откашливается.

– Номер двадцать три, – объявляет Марко, сверяясь со своими записями.

Когда девушка поднимается с места и делает шаг вперед, все взгляды обращаются к ней.

Марко следит за ее приближением: сперва он просто немного удивлен, затем удивление сменяется абсолютным смятением.

Еще издали он отметил, что она весьма привлекательна. Однако, когда она подходит ближе и поднимает на него глаза, он понимает, что за привлекательными чертами – овалом лица, темными волосами, оттеняющими белизну кожи, – скрывается нечто большее.

Она светится изнутри. На мгновение их взгляды встречаются, и он не сразу вспоминает, зачем он здесь и почему она протягивает ему листок бумаги, на котором его собственной рукой проставлен двадцать третий номер.

– Прошу следовать за мной, – находит он в себе силы произнести, забирая у нее листок и распахивая перед ней дверь. В знак благодарности она делает едва заметный реверанс. Еще до того, как дверь за ними успеет закрыться, фойе наполняется шепотом.

Театр поистине величественный, богато украшенный, с бесконечными рядами обитых красным бархатом кресел. Перед пустой сценой алеют оркестровая яма, бельэтаж и ложи. Если не считать двух человек примерно в десяти рядах от сцены, театр пуст. Чандреш Кристоф

Лефевр сидит, задрав ноги на спинку впередистоящего кресла. Справа от него восседает мадам Ана Падва; пытаясь подавить зевоу, она тянется к ридикулью за часами.

Девушка в зеленом платье вслед за Марко выходит из-за кулис на сцену. Он жестом предлагает ей пройти дальше, на середину, и, не находя в себе сил отвести от нее взгляд, объявляет ее выход почти пустому залу.

– Номер двадцать три, – говорит он и, спустившись по узкой лестнице у авансцены, усаживается на одно из крайних кресел первого ряда с пером, зажатым в руке над раскрытым блокнотом.

Мадам Падва с улыбкой поднимает глаза, убирая часы обратно в ридикуль.

– Что тут у нас? – интересуется Чандреш, не адресуя вопрос никому конкретно.

Девушка безмолвствует.

– Это номер двадцать три, – повторяет Марко, заглянув в свои записи, чтобы удостовериться, что номер верный.

– Мы выбираем иллюзиониста, дитя мое, – довольно громко говорит Чандреш, и гулкое эхо вибрирует в пустом зале. – Мага, волшебника, чародея. В настоящее время хорошенькие ассистентки нас не интересуют.

– Я и есть иллюзионист, сэр, – заявляет девушка. Судя по голосу, она совершенно не волнуется. – Я пришла на просмотр.

– Вот как, – Чандреш скептически оглядывает ее с головы до ног.

Она неподвижно стоит в самом центре сцены и спокойно ждет, словно ожидала подобной реакции.

– Что тебя смущает? – спрашивает мадам Падва.

– Я не уверен, что нам подойдет женщина, – пожимает плечами Чандреш, продолжая разглядывать девушку.

– И это после всех твоих разглагольствований по поводу Тсукико?

Чандреш какое-то время раздумывает, по-прежнему глядя на девушку. В ее облике, довольно элегантном, нет ничего особенного.

– Это совсем другое, – приводит он единственный аргумент, который пришел ему в голову.

– Да брось, Чандреш, – не уступает мадам Падва. – Позволь ей по крайней мере показать, на что она способна, а уж потом будешь рассуждать, годится нам женщина в иллюционисты или нет.

– Но у нее такие рукава, что в них слона можно спрятать, – возражает он.

В ответ на его слова девушка расстегивает жакет с пышными рукавами и небрежно бросает его под ноги. Платье без рукавов и бретелек оставляет руки и плечи обнаженными, и лишь тонкая полоска кожи скрывается под длинной цепочкой с медальоном. Затем она снимает перчатки и одну за другой кидает на пол, поверх брошенного жакета. Мадам Падва многозначительно смотрит на Чандреша, и ему остается только вздохнуть в ответ.

– Ладно, – соглашается Чандреш. – Тогда приступим.

Он делает знак Марко.

– Конечно, сэр, – отзывается Марко и обращается к девушке. – Перед началом показательного выступления мы хотели бы задать вам несколько общих вопросов. Как вас зовут, мисс?

– Селия Боуэн.

Марко делает пометку в блокноте.

– Сценический псевдоним? – спрашивает он.

– У меня его нет, – отвечает Селия.

Марко отмечает и это.

– Где вы до этого выступали?

– Я никогда не выступала на сцене.

Услышав это, Чандреш собирается что-то сказать, но мадам Падва останавливает его.

– Тогда у кого же вы учились? – продолжает опрос Марко.

– У своего отца, Гектор Боуэна, – отвечает Селия. Выдержав небольшую паузу, она продолжает: – Хотя он больше известен под именем чародея Просперо.

Перо выпадает из руки Марко.

– Чародея Просперо? – Чандреш снимает ноги со спинки кресла и всем телом подается вперед, глядя на Селию совершенно другими глазами. – Чародей Просперо – ваш отец?

– Был им, – уточняет Селия. – Его... не стало год назад.

– Примите мои соболезнования, дорогая, – говорит мадам Падва. – Но кто такой, ради всего святого, этот Просперо?

– Всего-навсего величайший иллюзионист современности, – поясняет Чандреш. – В свое время я старался не упускать возможности устроить его выступление. Он был настоящим гением, мог очаровать любую публику. Ему не было равных.

– Он был бы рад услышать ваши слова, сэр, – говорит Селия, метнув короткий взгляд в сторону неосвещенной кулисы.

– О, я говорил ему об этом неоднократно, хотя мы не виделись уже очень давно. Как-то раз мы с ним здорово напились в пабе, и он начал объяснять, что необходимо раздвигать привычные рамки театрального искусства, изобретать что-то новое, поистине сверхъестественное. Ему бы наверняка понравилось то, что мы задумали. Чертовски обидно, что его больше нет, – тяжело вздохнув, он сокрушенно качает головой. – Впрочем, давайте продолжим, – говорит он, откидываясь в кресле и с интересом глядя на Селию.

Марко, вновь вооруженный пером, заглядывает в анкету.

– В-вы можете выступать не только на сцене?

– Да, – отвечает Селия.

– Ваши фокусы можно наблюдать под разными углами?

Селия позволяет себе улыбнуться.

– Вам нужен фокусник, который может выступать, окруженный толпой зрителей? – обращается она к Чандрешу.

Он кивает.

– Понятно, – говорит Селия.

Стремительным, едва заметным движением она подхватывает с пола жакет и бросает его в зал. Жакет, вместо того чтобы упасть на кресла, взмывает вверх, расправляясь в воздухе. В секунду складки шелка превращаются в блестящие черные перья, рукава становятся крыльями, и вот уже над залом парит черный ворон. Он пролетает над рядами бархатных кресел и начинает описывать хаотические круги над балконом.

– Впечатляет, – улыбается мадам Падва.

– Если только он не был спрятан в ее необъятных рукавах, – бормочет Чандреш.

Селия проходит по сцене и останавливается напротив Марко.

– Могу я позаимствовать у вас это ненадолго? – просит она, указывая на его блокнот.

Поколебавшись, он протягивает его ей.

– Благодарю, – говорит она, возвращаясь на середину сцены.

Едва скользнув взглядом по своей анкете, наполовину заполненной аккуратным почерком, она подбрасывает блокнот в воздух, где он, мелькнув трепещущими страницами, превращается в белого голубя. Голубь расправляет крылья и парит над залом. При виде его сидящий на балконе ворон хрипло каркает.

– Ха! – в восклицании Чандреша сквозит и восхищение внезапным появлением голубя, и насмешка над растерянностью Марко.

Селия протягивает руку, и голубь опускается прямо на ее раскрытую ладонь. Погладив крылья, она вновь отпускает его в воздух. Он поднимается всего на пару метров над ее головой, и вот уже крылья снова стали страницами блокнота, стремительно падающего вниз. Селия подхватывает его одной рукой и возвращает заметно побледневшему Марко.

– Спасибо, – вновь благодарит она его с улыбкой.

Марко задумчиво кивает в ответ и, стараясь не встречаться с ней глазами, возвращается на свое место.

– Восхитительно, просто восхитительно, – признает Чандреш. – Это должно сработать. Это просто не может не сработать.

Он поднимается с кресла и, просочившись между рядов, начинает в задумчивости мерить шагами пространство между рампой и оркестровой ямой.

– Перед нами встает вопрос ее нарядов, – обращается к нему оставшаяся сидеть мадам Падва. – Я предполагала, что наш иллюзионист будет одет во фрак. Но она может выступать в платье – скажем, вроде того, что на ней сейчас.

– Какое именно платье вам хотелось бы? – уточняет Селия.

– Все артисты должны выступать в одной цветовой гамме, – объясняет мадам Падва. – Или, точнее сказать, бесцветной. Только белое или черное. Хотя боюсь, в абсолютно черном платье вы будете выглядеть как на похоронах.

– Понятно, – кивает головой Селия.

Мадам Падва встает и, лавируя между рядами, направляется к Чандрешу. Она что-то шепчет ему на ухо, и он, на секунду отвлекшись от Селии, что-то говорит ей в ответ.

Селия, на которую сейчас смотрит один Марко, неподвижно стоит на сцене, словно чего-то ждет. А затем ее платье медленно преобразуется.

Начиная от выреза, словно чернила, устремляются вниз по зеленому шелку черные потоки. Они льются, пока ее наряд не приобретает глубокий черный цвет южного неба.

У Марко вырывается судорожный вздох. Это заставляет Чандреша и мадам Падва обернуться – как раз вовремя, чтобы увидеть, как иссиня черный низ платья начинает светлеть, становясь белее снега, и во всем наряде не остается ни намека на то, что он когда-то был сочного зеленого цвета.

– Что ж, вы значительно облегчили мою задачу, – сдержанно заявляет мадам Падва, но в ее глазах светится восхищение. – Впрочем, мне кажется, что волосы стоит сделать чуть потемнее.

Селия легко взмахивает волосами, и ее русые локоны темнеют, становясь черными и блестящими, как вороново крыло.

– Восхитительно, – выдыхает Чандреш.

Селия улыбается.

В два прыжка взлетев по ступеням, Чандреш подбегает к ней. Он рассматривает ее платье со всех сторон.

– Можно? – спрашивает он, протягивая руку.

Селия кивком выражает согласие. Он осторожно дотрагивается до ткани. Это шелк, черный и белый шелк, с мягким переходом серого цвета. Ему видно каждое переплетение волокон.

– Возможно, это дерзость с моей стороны, но могу я поинтересоваться, что произошло с вашим отцом? – спрашивает Чандреш, продолжая разглядывать ее наряд.

– Не стоит извиняться, – отвечает Селия. – Один из его трюков прошел не совсем так, как он рассчитывал.

– Какая утрата, какая утрата, – он со вздохом отходит от нее на подобающее расстояние. – Мисс Боуэн, позвольте спросить, заинтересует ли вас предложение принять участие в поистине уникальном проекте?

Щелкнув пальцами, он подзывает Марко, и тот незамедлительно появляется возле него с блокнотом в руках, останавливаясь в нескольких шагах от Селии. Его взгляд скользит от ее платья к прическе и обратно, надолго задерживаясь на лице.

Прежде чем она успевает ответить, в зале раздается карканье ворона, по-прежнему сидящего на балконе и с любопытством взирающего на происходящее.

– Одну секунду, – говорит Селия.

Подняв руку, она делает знак ворону. В ответ он снова хрипло каркает и, расправив огромные крылья, срывается с места. Он летит к сцене, с каждым взмахом набирая скорость. Ворон быстро приближается, резко ныряет вниз и летит прямо на Селию. Когда он с размаху врывается в нее, обдав фейерверком разлетающихся перьев, Чандреш отскакивает в сторону, чуть ли не сбивая Марко с ног.

Ворон исчез. Не осталось ни перышка, а поверх черного платья с белым подолом на Селии вновь надет черный жакет с пышными рукавами, застегнутый до последней пуговицы.

Стоящая перед сценой мадам Падва бурно аплодирует.

Селия приседает в реверансе, попутно поднимая с пола перчатки.

– Она само совершенство, – говорит Чандреш, доставая из кармана сигару. – Само совершенство.

– Да, сэр, – откликается Марко позади него. Блокнот в его руках слегка дрожит.

Военная хитрость *Лондон, апрель 1886 г.*

– Она слишком хороша, чтобы выступать в толпе, – заявляет Чандреш. – Ей просто необходим собственный шатер. Например, мы можем поставить ряды кресел по кругу, чтобы зрители находились в центре событий.

– Да, сэр, – говорит Марко, ощупывая страницы блокнота, всего минуту назад голубем летавшего в воздухе.

– Да что с тобой такое? – удивляется Чандреш, замечая, что он бледен как полотно.

Они остались на сцене вдвоем, и голос гулко разносится в пустом зале. Мадам Падва успела умыкнуть Селию и теперь засыпает ее вопросами по поводу костюмов и причесок.

– Со мной все в порядке, сэр, – успокаивает его Марко.

– У тебя больной вид, – говорит Чандреш, дымя сигарой. – Отправляйся-ка домой.

Марко бросает на него недоуменный взгляд и пытается возразить:

– Но, сэр, мне еще нужно подготовить бумаги.

– Сделаешь это завтра, время есть. Тетушка Падва и я собираемся пригласить мисс Боуэн к нам на чашку чая, так что условиями нашего договора и подписанием мы займемся позже. А ты пока отдохни, пропусти стаканчик или придумай, как еще взбодриться.

Чандреш делает взмах рукой, отпуская его. В воздухе повисает легкое облако сигарного дыма.

– Если вы настаиваете, сэр.

– Конечно, настаиваю! И избавься от этой толпы за дверь. Нет нужды тратить время на их фраки и цилиндры, раз у нас уже есть кое-что поинтереснее. К тому же она прехорошенькая, насколько я могу судить. Для некоторых это имеет значение.

– Несомненно, сэр, – соглашается Марко, и его бледность уступает место внезапно вспыхнувшему румянцу. – В таком случае до завтра.

Кивнув на прощание, он разворачивается и уходит в сторону двери, ведущей в фойе.

– Не знал, что тебя так легко смутить, – кричит Чандреш ему вслед, но Марко не оборачивается.

Марко распускает фокусников, вежливо поблагодарив за потраченное время и объяснив, что вакансия, на которую они претендовали, уже занята. Никто из них не замечает ни его дрожащих рук, ни пальцев, стиснувших перо так, что костяшки побелели. Не замечают они и струйки чернил, стекающей по его ладони, когда перо ломается надвое.

После их ухода Марко собирает вещи и вытирает испачканную чернилами руку о черное пальто. Надвинув на глаза котелок, он покидает театр.

С каждым шагом выражение озабоченности на его лице усиливается. Многочисленные прохожие расступаются перед ним, когда он идет по тротуару.

Войдя в квартиру, Марко роняет портфель на пол и с тяжелым вздохом прислоняется спиной к двери.

– Что случилось? – спрашивает Изобель, сидящая в кресле возле потухшего камина.

Она поспешно прячет в карман плетение, над которым трудилась до его прихода, с раздражением осознавая, что все придется переплетать заново, поскольку ее отвлекли. Для нее по-прежнему самое сложное – сосредоточиться.

Отложив плетение до лучших времен, она следит, как Марко проходит через комнату и останавливается возле книжного шкафа.

– Я знаю, кто мой соперник, – говорит Марко, снимая с полки кипы книг.

Часть он сваливает грудой на столах, другие ставит небрежными стопками на полу. Оставшиеся на полках книги заваливаются набок, а несколько томов даже падают, но Марко не обращает на это никакого внимания.

– Это та японка, которая так тебя заинтересовала? – спрашивает Изобель, наблюдая, как безупречный порядок Марко сменяется полнейшим хаосом.

В его квартире у каждой вещи свое место, и устроенный им переполох вызывает у нее беспокойство.

– Нет, – отвечает Марко, перелистывая страницы. – Это дочь Просперо.

Изобель поднимает фиалку в горшке, сбитую книгами при падении, и ставит обратно на полку.

– Просперо? – переспрашивает она. – Волшебник, которого ты видел в Париже?

Марко кивает.

– Не знала, что у него есть дочь, – замечает она.

– Для меня это тоже оказалось новостью, – бормочет Марко, откладывая одну книгу и раскрывая другую. – Чандреш только что нанял ее для цирка. Иллюзионисткой.

– Вот как?

Марко оставляет ее восклицание без ответа, и Изобель продолжает:

– Стало быть, она будет делать то же, что и ее отец: выдавать истинное волшебство за фокусы и трюки. Она делала что-то подобное на просмотре?

– Делала, – отвечает Марко, не поднимая головы от книги.

– Видимо, у нее хорошо получилось.

– Слишком хорошо, – говорит Марко, вытаскивая книги с очередной полки и раскладывая их по столу.

Фиалка вновь становится невинной жертвой его торопливых движений.

– Возможно, это будет куда сложнее, чем я думал, – бубнит он себе под нос.

Стопка блокнотов валится со стола на пол, и шорох страниц напоминает шелест крыльев.

Изобель вновь поднимает цветок и ставит его возле другой стены:

– Она знает, кто ты?

– Не думаю, – отвечает Марко.

– Значит ли это, что цирк – часть испытания? – не унимается Изобель.

Марко на мгновение перестает листать страницы и поднимает на нее глаза.

– Наверняка, – говорит он и снова утыкается в книгу. – Видимо, для этого меня отправили работать на Чандреша. Чтобы я изначально был в деле. Цирк – арена для нашего состязания.

– Это хорошо? – спрашивает Изобель, но Марко, сосредоточенный на своих записях, не отвечает.

Левой рукой он тербит правую манжету. По ней растеклось чернильное пятно.

– Она изменила ткань, – бормочет он себе под нос. – Как она смогла изменить ткань?

Изобель перекладывает просмотренную им стопку книг на стол, где лежит ее марсельская колода. Она бросает взгляд на Марко, но он с головой ушел в чтение. Изобель молча начинает раскладывать карты на столе.

Глядя на Марко, она вытягивает одну из них и, перевернув лицом вверх, опускает глаза, чтобы посмотреть, что скажут карты.

На карте изображены две женщины и мужчина между ними, над их головами целится из лука херувим. *L'Amoureux*. Любовники.

– Она красивая? – спрашивает Изобель.

Марко молчит.

Она вытягивает другую карту и кладет поверх первой. *La Maison Dieu*.

При виде человека, падающего с рушащейся башни, по ее лицу пробегает тень. Она возвращает обе карты к остальным и собирает колоду со стола.

– Она могущественнее тебя? – вновь спрашивает она.

И вновь Марко не удостоивает ее ответом, перелистывая страницы блокнота.

На протяжении долгих лет он считал себя в достаточной степени готовым к состязанию. Испытывая свое мастерство на Изобель, он уверовал в собственное превосходство, шлифуя детали иллюзий до такой степени, что даже она, при всей своей осведомленности, не могла подчас определить, где начинается реальность.

Но встреча с соперником повергла его в растерянность и смятение, заставив по-иному взглянуть на предстоящий поединок.

Ему всегда казалось, что, когда придет время, он будет знать, что делать.

Он даже тешил себя надеждой, что это время не придет вовсе, что обещанное состязание было всего лишь уловкой, чтобы заставить его учиться, и ничем более.

– То есть состязание начнется с открытием цирка? – продолжает допытываться Изобель.

Марко успел почти забыть о ее присутствии.

– Похоже, что так, – отвечает он. – Хотя я не очень понимаю, как мы сможем состязаться. Ведь цирк будет постоянно переезжать с места на место, а я должен оставаться в Лондоне. Мне придется действовать на расстоянии.

– Я могу поехать, – предлагает Изобель.

– Что? – Марко вновь поднимает на нее взгляд.

– Ты говорил, что прорицательницу для цирка так и не нашли, верно? Я могу гадать на картах. Конечно, я никогда не гадала никому, кроме себя, но у меня получается все лучше и лучше. Пока цирк будет гастролировать, я смогу тебе писать. Ведь мне все равно нельзя оставаться здесь, когда начнется состязание, а так мне хоть будет куда податься.

– Что-то в этом плане мне не нравится, – нерешительно говорит Марко, хотя сам толком не понимает, что именно.

Он никогда не думал, что Изобель может как-то участвовать в его жизни и вне стен этой квартиры. Он старался не говорить ни о Чандреше, ни о цирке, отчасти потому, что хотел иметь что-то свое, и отчасти потому, что это казалось правильным. Особенно учитывая смутный намек наставника по этому поводу.

– Прощу тебя, – настаивает Изобель. – Так я смогла бы тебе помочь.

Марко медлит с ответом, рассеянно блуждая взглядом по книгам. Перед его мысленным взором стоит девушка в театре.

– Тебе это поможет быть ближе к цирку, – не отступает Изобель, – а мне будет чем заняться, пока длится твое состязание. Когда оно завершится, я смогу вернуться в Лондон.

– Я ведь даже не знаю, в чем оно заключается, – возражает Марко.

– Однако ты точно знаешь, что мне нельзя остаться с тобой на это время? – спрашивает она.

Марко вздыхает. Они уже обсуждали это, пусть и не вдаваясь в подробности, но все же достаточно, чтобы понять, что с началом поединка они расстанутся.

– Я и без того очень занят работой на Чандреша. Мне придется посвятить состязанию всего себя... Не отвлекаясь, – он повторяет слово, которое использовал наставник, отдавая свой завуалированный под пожелание приказ.

Он сам не знает, что кажется ему большим злом: вовлечь Изобель в поединок или отказаться от единственного человека, которого он добровольно впустил в свою жизнь.

– Вот видишь. А так я смогу не отвлекать тебя, а помогать, – говорит Изобель. – А если тебе запрещено иметь помощника, что ж, я буду просто писать тебе письма, что в этом плохого? По-моему, решение просто идеальное.

– Я мог бы организовать для тебя встречу с Чандрешем, – предлагает Марко.

– А ты бы мог... убедить его нанять меня? – спрашивает Изобель. – Мог бы? Если ему понадобится дополнительное убеждение?

Марко неуверенно кивает. Сомнения не покидают его, но необходимо выработать хоть какую-то стратегию. Тактику, при помощи которой он сможет противостоять неожиданно объявившемуся сопернику.

В голове неотступно крутится ее имя.

– Как зовут дочь Просперо? – спрашивает Изобель, словно подслушав его мысли.

– Боуэн, – отвечает Марко. – Ее зовут Селия Боуэн.

– Красивое имя, – замечает Изобель. – У тебя болит рука?

Марко опускает глаза, с удивлением понимая, что уже давно держит правую руку левой, машинально потирая то место, где кольцо вросло в кожу.

– Нет, – успокаивает он ее, поднимая со стола блокнот, чтобы занять руки. – Все в порядке.

Судя по всему, ответ удовлетворяет Изобель, и она, подняв с пола несколько упавших книг, водворяет их обратно на полку.

Марко испытывает облегчение от того, что она не в силах проникнуть в его воспоминания о кольце.

Огонь и свет

Ты выходишь на залитую светом площадь в окружении полосатых шатров.

С площади в разных направлениях ведут узкие проходы, озаренные мерцанием светильников, петляя между шатрами и суля неизведанные тайны за каждым поворотом.

Торговцы снуют в толпе посетителей, предлагая напитки и разные диковинки со вкусом ванили, меда, шоколада и корицы.

На небольшом возвышении выступает девушка-змея в блестящем черном костюме. Ее тело складывается и скручивается, принимая немыслимые позы.

Жонглер подбрасывает в воздух белые, черные и серебряные шары. Взлетая, они ненадолго зависают над его головой, прежде чем упасть ему в руки. Зрители аплодируют.

Все вокруг купается в сиянии, исходящем от гигантского факела в самом центре площади.

Когда удастся подойти поближе, ты видишь, что огонь разведен в черной железной чаше на хищно изогнутых ножках. Там, где должен быть край чаши, ее стенки распадаются на длинные закрученные полосы, словно металл расплавили и растянули, как жевательную конфету. Железные завитки тянутся вверх, многократно переплетаясь друг с другом и образуя подобие клетки, внутри которой пылает огонь. От глаз скрыто лишь основание факела, так что невозможно понять, что именно горит: дрова, уголь или нечто совсем иное.

Пляшущие языки пламени не желтые и не рыжие. Они ослепительно белые.

Тайны *Конкорд, Массачусетс, октябрь 1902 г.*

О будущем Бейли ведутся давние и частые споры, хотя в последнее время они преимущественно сводятся к повторению того, что было сказано уже не раз, и напряженному молчанию.

Он считает, что все началось из-за Каролины, хотя впервые этот вопрос подняла его бабушка по материнской линии. Но поскольку бабушку Бейли любит гораздо больше сестры, винить во всем последнюю ему гораздо проще. Если бы она не сдалась так легко, ему не пришлось бы бороться так отчаянно.

Это была одна из бабушкиных просьб – как всегда, преподнесенная в виде простого пожелания. Сперва она показалась вполне невинной: пусть Каролина поступает в Рэдклифф-колледж.

Сама Каролина довольно хорошо восприняла эту идею, высказанную за чаем в уютной, с цветочками на обоях, гостиной их бабушки в Кембридже.

Впрочем, ее готовность последовать бабушкиному совету бесследно растаяла, стоило им вернуться в Конкорд и услышать мнение отца:

– Об этом не может быть и речи.

Каролина сперва надулась, но тут же смирилась, рассудив, что учиться там будет слишком сложно, да и в город ее никогда особенно не тянуло. К тому же Милли была помолвлена, им предстояло вместе планировать свадьбу, и это волновало Каролину куда больше собственного образования.

Вот тогда-то и грянул гром.

Пришло письмо из Кембриджа. Бабушка писала, что ничего не имеет против изменившихся планов Каролины, но Бейли-то несомненно будет поступать в Гарвард.

Это уже была не просьба, завуалированная подо что бы то ни было. Это был чистой воды приказ. Она сразу отмела все возражения, связанные с дороговизной обучения, заявив, что все расходы берет на себя.

Когда начался этот спор, никто и не подумал спросить, чего хочет сам Бейли.

– Я бы хотел поехать, – подал он голос, с трудом дождавшись паузы в разговоре.

– Ты будешь управлять фермой, – отрезал отец.

Учитывая, что Бейли еще не исполнилось шестнадцати и делать окончательный выбор ему предстоит нескоро, проще всего было бы закончить этот разговор и не вспоминать о нем до поры до времени.

Однако он, сам толком не зная почему, постоянно возвращается к этому спору, не давая ему затихнуть. Твердит, что всегда остается возможность уехать, а потом вернуться, что четыре года не такой уж долгий срок.

Сначала в ответ на эти заявления он выслушивает длинные нотации, вскорости сменяющиеся громогласными ультиматумами и хлопаньем дверьми. Его мать старается по возможности не вмешиваться в эти ссоры, но под давлением мужа встает на его сторону, хотя при этом неизменно тихонько добавляет, что решение должен принимать Бейли.

А Бейли даже не уверен, что хочет ехать в Гарвард. Правда, городская жизнь влечет его сильнее, чем Каролину, и ему кажется, что этот путь сулит больше возможностей, больше неизведанного.

А на ферме только овцы да яблони. Все предсказуемо.

Он уже сейчас может представить, как будет протекать его жизнь. Каждый день. В любое время года. Когда яблоки начнут осыпаться с веток, когда придет пора стричь овец, когда ударят первые морозы.

Одно и то же, из года в год.

Он жалуется матери на пугающее его однообразие в надежде, что это приведет к более взвешенному разговору о том, будет ли ему позволено уехать. Но она лишь говорит, что постоянство жизни на ферме ее не пугает, а успокаивает, и интересуется, выполнил ли он свои домашние обязанности.

Приглашения на чай в Кембридже теперь адресуются только Бейли, на Каролину они не распространяются. Она ворчит, что у нее все равно нет времени на эти визиты, и Бейли отправляется один, радуясь тому, что в дороге не нужно слушать ее непрерывную трескотню.

– Вообще-то мне нет особого дела, поступишь ты в Гарвард или нет, – заявляет бабушка в один из его приездов, хотя Бейли еще не затрагивал эту тему.

Он вообще старается ее избегать, будучи уверен, что наперед знает бабушкину точку зрения.

Он добавляет в чай еще одну ложку сахара и ждет, что она скажет дальше.

– Просто я считаю, что там у тебя больше возможностей, – продолжает она. – А это именно то, чего я тебе желаю, хотя твои родители совершенно не в восторге от моей идеи. Знаешь, почему я позволила дочери выйти замуж за твоего отца?

– Нет, – качает головой Бейли.

Таких разговоров никогда не велось в его присутствии, хотя Каролина однажды по секрету рассказала ему, что слышала, будто история была скандальная. Даже спустя почти двадцать лет после тех событий его отец никогда не переступал порога дома тещи, а она ни разу не приезжала в Конкорд.

– Потому что она все равно убежала бы с ним, – объясняет бабушка. – Уж слишком ей этого хотелось. Не о такой доле я мечтала для своей девочки, но нельзя навязывать детям собственный выбор. Я помню, как ты читал вслух моим кошкам. Когда тебе было пять лет, ты превратил корыто в пиратский корабль и совершил набег на гортензии в моем саду. Не пытайся убедить меня, что ты хочешь стать фермером.

– Но на меня возложена ответственность, – возражает Бейли, повторяя слово, которое он уже начинает ненавидеть.

Бабушка издает странный звук: не то смеется, не то кашляет, а может, и то и другое сразу.

– Следуй за мечтой, Бейли, – говорит она ему. – Будь то Гарвард или что-то совсем другое. Не важно, что говорит отец и как громко он это делает. Он забывает, что некогда сам был чьей-то мечтой.

Бейли кивает, и бабушка, откинувшись в кресле, переходит к жалобам на соседей, ни разу больше не упоминая ни его мечту, ни его отца. Однако, когда он собирается уходить, она просит:

– Не забывай, что я тебе сказала.

– Не забуду, – обещает он.

Он не говорит, что мечта у него уже есть, но вряд ли она осуществима.

Однако он доблестно продолжает вести с отцом регулярные споры.

– Разве мое мнение ничего не значит? – однажды спрашивает он перед тем, как их разговор переходит в стадию хлопанья дверьми.

– Нет, не значит, – заявляет отец.

– Может, пора оставить эту идею, Бейли, – тихо говорит мать, когда муж выходит из комнаты.

После этого разговора Бейли старается бывать дома как можно реже.

Школа занимает не так много времени, как бы ему хотелось. Сперва он начинает больше работать, уходя в самые дальние уголки сада, где отец почти не появляется.

Затем увлекается долгими прогулками по полям, лесам, кладбищам.

Он бродит между могилами философов, поэтов и писателей – их имена знакомы ему по бабушкиной библиотеке. Но кроме них он видит бесчисленные надгробия с надписями,

которые ему ничего не говорят. А еще больше – разрушенных ветрами и ливнями плит: имен на них вовсе не разобрать, их владельцы лежат, всеми давно забытые.

Он гуляет бесцельно, но чаще всего рано или поздно оказывается возле того самого дуба, под которым они с Каролиной и ее друзьями часто сидели в детстве.

Он вырос, и теперь с легкостью взбирается на самую вершину дерева. В густой кроне он чувствует себя спрятанным от всего мира. При этом здесь достаточно светло, чтобы читать, если он вдруг берет с собой книгу – очень скоро это входит у него в привычку.

Он зачитывается историческими романами, мифами и древними преданиями, недоумевая, почему принцы, рыцари и драконы похищают только девушек, вырывая их из цепких объятий обыденности. Ему кажется несправедливым, что он лишен шансов на подобное избавление. А избавиться себя сам он не может.

Подолгу наблюдая за бесцельно слоняющимися по полям овцами, он начинает мечтать, что кто-нибудь все-таки явится и увезет его, но желания, загаданные при виде жующих травку овец, сбываются не чаще, чем при виде падающих звезд.

Он твердит себе, что такая жизнь не так уж плоха. Что нет ничего зазорного в том, чтобы быть фермером.

Но неудовлетворенность не покидает его. Даже земля под ногами вызывает в нем глухое раздражение.

И он продолжает искать убежища на своем дереве.

Чтобы закрепить на него свои права, он даже вынимает из тайника, устроенного под отклеившейся половицей под кроватью, старинную деревянную шкатулку, где хранит свои самые ценные сокровища, и прячет ее среди ветвей в небольшом углублении. На дупло оно не тянет, но для целей Бейли является достаточно вместительным.

Шкатулка не очень большая, с потускневшей медной защелкой. Она обернута куском холста, который надежно защищает ее от ветра и дождя, и запрятана так глубоко, чтобы ее не могли достать даже самые любопытные и запасливые белки.

Среди ее содержимого заостренный наконечник стрелы, который он нашел в поле, когда ему было лет пять. Камешек со сквозной дырочкой – говорят, он приносит удачу. Черное перо. Блестящий кусочек горной породы – про него мама сказала, что это разновидность кварца. Монетка, впервые выданная ему в качестве карманных денег, которую он решил сохранить на память. Кожаный ошейник их собаки, умершей, когда Бейли было девять. Одинокая белая перчатка, посеревшая от времени и оттого, что хранилась в маленькой шкатулке вместе с камнями.

И несколько сложенных пожелтевших листков бумаги, исписанных от руки.

Когда цирк уехал, он постарался описать его в мельчайших подробностях, какие только мог припомнить, чтобы со временем они не стерлись из памяти. Попкорн в шоколадной глазури. Шатер, где циркачи, стоя на высоких круглых постаментах, показывали трюки с ослепительно белым пламенем. Волшебные часы-трансформер, которые стояли напротив кассы и были чем-то большим, нежели просто часами.

И хотя он старался записывать своим неровным почерком каждую деталь, связанную с цирком, ему так и не удалось описать встречу с рыжеволосой девочкой. Он никому о ней не рассказывал. Он дважды приходил в цирк вечерами, в урочные часы, и пытался разыскать ее, но так и не смог.

А потом цирк уехал. Исчез так же внезапно, как появился, растаял, как сон.

И с тех пор не возвращался.

Единственным доказательством, что девочка действительно существовала, а не была плодом его воображения, служила эта перчатка.

Впрочем, больше он не заглядывает в шкатулку. Плотно закрытая крышкой, она спрятана на дереве.

Он подумывает, не пришла ли пора попросту выбросить ее, но не может заставить себя это сделать.

Возможно, он оставит ее здесь и позволит зарости корой, навечно похоронив ее внутри.

В это серое субботнее утро Бейли, как обычно, просыпается раньше остальных членов семьи. Он торопливо делает свою часть работы по дому, вместе с книгой бросает в сумку яблоко и отправляется к дереву. Где-то на полпути ему приходит в голову, что он зря вышел из дома без шарфа, но погода обещает разгуляться. Утешаясь этой надеждой, он карабкается вверх, минуя нижние ветки, на которые его сослали много лет назад, минуя ветки, на которых сидела Каролина и ее друзья. Вот ветка Милли, думает он, ставя на нее ногу. Даже по прошествии лет его накрывает волной удовлетворения, когда ветка Каролины остается позади. В окружении трепещущей на ветру листвы Бейли усаживается на свое любимое место, ботинками едва касаясь тайника, где спрятана почти позабытая шкатулка с его сокровищами.

От неожиданности он едва не падает с дерева, когда, оторвавшись наконец от книги и подняв глаза, обнаруживает в поле скопище черно-белых полосатых шатров.

Часть вторая

Иллюминация

Цирк полон сияния: от пламени факела, фонарей, звезд. Выражение «игра света» в отношении красот Цирка Сновидений я слышал так часто, что порой мне кажется, будто цирк и есть не что иное, как иллюзия, созданная светом.

Фридрих Тиссен, 1894 г.

Ночь премьеры: рождение

Лондон, 13–14 октября 1886 г.

Вдень (или, точнее сказать, в ночь) премьеры буквально все потрясает воображение. Продуманы даже самые мелкие детали, и задолго до заката у ворот собирается огромная толпа. Когда посетителям в конце концов разрешается войти внутрь, их глаза распахнуты от восхищения и по мере пути от шатра к шатру округляются все больше и больше.

Все части цирка работают как единый механизм. Представления, которые были отрепетированы в разных странах, на разных континентах, теперь проходят в смежных шатрах, органично сплетаясь в единое целое. Каждый костюм, каждое движение, каждая вывеска на шатре кажется красивее предыдущей.

Совершенством пропитан даже воздух: чистый, прозрачный, прохладный, полный соблазнительных ароматов и звуков, под чары которых попадают все зрители без исключения.

В полночь проводится церемония зажжения факела. В начале вечера его чаша пустовала и казалась обычной скульптурой из скрученного металла. Сперва на площади появляются двенадцать лучников с небольшими постаментами в руках и устанавливают их по периметру, словно цифры на циферблате. Ровно за минуту до полуночи каждый всходит на свой постамент и достает из-за спины блестящий черный лук и стрелы. Проходит тридцать секунд, и лучники поджигают наконечники стрел – язычки желтого пламени пускаются в пляс. В глазах зрителей, до этого не обращавших на лучников особого внимания, читается любопытство. За десять секунд до назначенного часа каждый поднимает свой лук и нацеливает горящую стрелу в зияющее жерло чаши. С первым ударом часов первый лучник выпускает стрелу: она взмывает над головами зрителей, и, попадая в цель, рассыпается дождем сверкающих искр.

Факел вспыхивает желтым пламенем.

Раздается второй удар, и второй лучник отправляет стрелу в цель. Языки пламени окрашиваются в небесно-голубой цвет.

Третий удар – третья стрела, и пламя приобретает нежно-розовый оттенок.

После четвертой стрелы оно становится цвета спелой тыквы.

После пятой вспыхивает ярко-красным.

Шестая делает его багряным, как вечерний закат.

Седьмая – и багрянец темнеет, переливаясь, как вино в бокале.

Восьмая – и языки пламени становятся фиолетовыми.

Девятая – и фиолетовый сменяется индиго.

Десятый удар – и десятая стрела окрашивает огонь в темно-синий.

С предпоследним ударом пляшущие языки пламени чернеют, так что огонь сливается воедино с котлом, в котором он пылает.

И наконец, с последним ударом почерневшее пламя становится ослепительно белым, рассыпая вокруг сноп искр, падающих на землю подобно снежинкам. Густые клубы белого дыма уносятся в ночное небо.

Толпа разражается оглушительными аплодисментами. Зрители, уже собравшиеся было уходить, решают задержаться еще ненадолго и восторженно обсуждают зрелище, свидетелями которого они только что стали. Впоследствии те, кому не посчастливилось наблюдать его собственными глазами, с недоверием выслушивают рассказы очевидцев.

Посетители бродят от шатра к шатру, кружат по разветвляющимся и вновь сливающимся воедино дорожкам, конца которым, кажется, попросту нет. Одни стараются посетить каждый шатер, встреченный на пути, другие более придирчивы и заходят внутрь, лишь внимательно изучив перед этим вывеску. А кому-то настолько нравится какой-то один шатер, что он не в силах уйти и проводит там все отпущенное ему время. Встречаясь друг с другом в темных лабиринтах аллей, зрители обмениваются советами, куда стоит заглянуть, рассказывают об удивительных шатрах, в которых им довелось побывать. Эти советы неизменно выслушиваются с благодарностью, но последовать им удастся не всегда: по дороге встречается столько других интересных шатров, что люди не успевают дойти до первоначальной цели маршрута.

Когда занимается рассвет, служителям трудно убедить оставшихся зрителей покинуть цирк, и это удается только после заверений, что они смогут вернуться сюда, как только солнце снова опустится за горизонт.

Одним словом, премьера проходит исключительно успешно.

В эту ночь происходит только одно событие, не предусмотренное сценарием. Зрители ничего не замечают, да и большинство артистов узнают об этом уже постфактум.

Незадолго до захода солнца, когда еще ведутся последние приготовления (расправляются складки костюмов, растапливается карамель), у жены укротителя хищников начинаются преждевременные роды. Она, когда не находилась в положении, выступала в роли ассистентки своего мужа. Чтобы временно обойтись без ее участия, номер был слегка изменен, и теперь тигры и львы явно нервничают.

Она ждет двойню, но по срокам до родов остается еще несколько недель. Впоследствии в цирке будут шутить, что близнецы, по всей видимости, просто не хотели пропустить премьеру.

До того как цирк открывается для посетителей, туда тайком приводят врача, вызванного, чтобы принять роды. Сделать это оказалось проще, чем везти роженицу в больницу.

За шесть минут до полуночи на свет появляется Уинстон Эйдан Мюррей.

Спустя семь минут после полуночи рождается его сестра Пенелопа Эйслин Мюррей.

Когда весть о случившемся доходит до Чандреша Кристофа Лефевра, он несколько разочарован тем, что они не на одно лицо. Он уже продумывал различные возможности участия близнецов в цирковых представлениях – конечно, после того как они подрастут. И хотя двойняшки будут выглядеть не так эффектно, как ему хотелось, все же он велит Марко распорядиться, чтобы в подарок родителям прислали два огромных букета роз.

Головки обоих младенцев увенчаны невероятно густыми огненно-рыжими волосами. Они почти не плачут, хотя не спят, с любопытством взирая на мир двумя одинаковыми парами голубых глаз. Малышей запеленали в обрезки шелка и сатина: девочку в белое, мальчика в черное.

Артисты цирка нескончаемой чередой навещают роженицу между выступлениями, берут младенцев на руки и непереносимо отмечают, в какой особенный час они родились. Они просто созданы для цирка, уверены все, разве что цвет волос подкачал. Кто-то предлагает надевать на них шапочки до тех пор, пока они не подрастут достаточно, чтобы волосы можно было перекрасить. В ответ сыплются возражения, что закрашивать такой цвет – огненно-рыжий, гораздо более яркий, чем каштановый оттенок их матери, – просто преступно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.